

А. Мефодиев

Что позволено Зевсу...

Москва
2010

ББК: 84(2Рос=Рус)6
М41
ISBN 978-5-98712-047-7

Мефодиев А.
М41 «Что позволено Зевсу...». — М.:
ПринтДизайн, 2010 г. — 304 с.
ISBN 978-5-98712-047-7

© А. Мефодиев, 2010
© «ПринтДизайн»,
оригинал-макет, оформление,
2010 г.

Что позволено Зевсу...

Quod licet Jovi, non licet bovi ¹

Лидия Лощатая, финдиректор кинокартины «На грани возможного», упрасивала режиссера Буркина дать ее папынку хоть какую-нибудь роль.

— Яков Михайлович, ну что Вам стоит? Попробуйте мальчика!

Мальчику, между тем, было двадцать шесть лет от роду, и он предпринимал отчаянные попытки окончить литературный институт. Обучение давалось ему нелегко. Не единожды его собирались отчислять. Трижды приходилось оформлять академический отпуск. Звали его Юрой.

¹ Что позволено Юпитеру, не позволено быку (лат.)

— Оставьте, Лидия Павловна, ведь сколько раз пробовали, — отмахиваясь от нее как от надоедливой мухи, говорил Яков Михайлович, — он же у вас как деревянный.

— А Вы, Яков Михайлович, дайте ему роль водителя главаря банды. Картины все равно не испортит. Водитель ведь в двух сценах и появляется только. А мальчику моему все же надежда. Может, что и получится из него.

— Роль водителя, говоришь? — режиссер внимательно посмотрел в молящие глаза финдиректора. Потом взгляд его упал чуть ниже. На Лидии Павловне были бархатный пиджачок бордового цвета, обтягивающая юбка выше колена и черные колготки. Ей было за сорок, но насколько никто точно не знал.

«А она в отличной форме. Может, стоит нам это, того...» — неожиданно пришло на ум Якову Михайловичу, и

он в раздумьях почесал небритый подбородок. Двухдневная щетина была ему к лицу. Потом он вспомнил, что уже поздно, что он хочет спать, и что Лидия Павловна нынче уже не та. И тогда, устало махнув рукой, Яков Михайлович сказал:

— Ладно, на роль водителя сойдет.

Через месяц, накануне съемок эпизода с участием «водителя главаря банды», Лидия Лощатая у себя дома на кухне проводила инструктаж с пасынком. Пасынок был долговязый расслабленный парень. Он лениво слушал Лидию Павловну, нетерпеливо поглядывая в окно.

— Слушай, Юрий, и запоминай! Главное, ты должен понравиться режиссеру. Он на площадке — царь и бог.

— Помню я его, как же! Какой он бог? Маленький, в годах уже, — лениво растягивая слова, говорил пасынок.

— Ты это брось мне, — Лидия серди-

то постучала указательным пальцем по кухонному столу. — Может и в годах, да пока еще поэнергичнее десяти таких как ты будет. Еще раз тебе говорю, на площадке он царь и бог. Не понравись ему, пиши — пропало.

— Я же контракт подписал.

— Контракт он подписал? Нашелся какой? Смотрите на него! Я не первый год в кинобизнесе. Знаю, что почему, и как оно бывает.

— Ну и как оно бывает? — без особого энтузиазма поинтересовался пасынок.

— По-всякому бывает. Однажды я наблюдала вот какую историю. Снимали картину. Буркин — режиссер. Взяли на одну из ведущих ролей Елену Измайлову. Знаешь такую?

— Что-то не слышал.

— Вот именно. Она же нигде не снимается и в театре не играет боль-

ше. А как все произошло. Много лет назад Измайлова, малоизвестная актриса, никогда не снимавшаяся в кино, получила предложение от Буркина сняться в кинокартине. Да не просто, а одну из ведущих ролей. Я, между прочим, ему посоветовала. О чем теперь искренне жалею. Ну да ладно. Предложение она, естественно, приняла; прошла кастинг, приступили к съемкам. Все шло неплохо, но снимали несколько месяцев. И у нее за это время молодой человек появился. Любовь-морковь и все такое. А Буркин требует, чтобы актеры всегда на площадке были вовремя. Снимали в Подмосковье. Съемки частенько заканчивались за полночь, а с утра в девять как штык на площадке надо быть. Для удобства артистов там же, в пяти минутах ходьбы, то ли гостиницу, то ли дом отдыха какой-то арендовали. Все там и жили.

— Ну? — промычал пасынок.

— Ну а у нее любовь-морковь. Жить в доме отдыха со всеми не желает. Ездит ночевать в Москву к дружку своему.

— Понятное дело, — вставил пасынок.

— Дело-то понятное. Да только опаздывать стала на съемки. Вид замученный. Все-таки дорога туда-обратно каждый день по два часа в один конец — дело нешуточное. А потом переживания там всякие любовные. Мне Буркин сказал, чтобы я с ней поговорила.

— Ну а ты?

— Я поговорила. Сказала ей: так и так, режиссер недоволен. Как сейчас помню, сказала ей прямо: «Ты, Лена, определись. Девушка ты молодая, но годы очень быстро идут. Оглянуться не успеешь, как не нужна никому станешь. Шанс тебе выпал сейчас. Не упусти его. Делай, что режиссер говорит».

А она мне беспечно так отвечает: «Что же мне теперь, никакой личной жизни не вести, что ли?» «Почему, — говорю, — будет и личная жизнь, но потом, а сейчас на съемках сосредоточиться следует».

«Бросьте Вы, — отвечает мне Елена, — съемки к концу идут. Заменить меня уже невозможно. Переснимать весь фильм придется. Нереально это. Так что на экран я все равно попаду, никуда не денутся».

«Смотри, как бы не пожалеть тебе», — сказала я ей. На том и расстались. А она продолжила в том же духе. Я все Буркину, естественно, рассказала. Помрачнел он и больше о ней ничего не спрашивал. Даже когда она на съемки опаздывала, он молчал. Закончили съемки через месяц, монтаж прошел. Через полгода — премьера фильма в доме кино. Всем приглашения разослали, ей — нет.

Она все равно собралась прийти. И не одна — с друзьями. Оно и понятно: на собственный дебют. С цветами пришли, поздравляют ее. Да только рано. На сцену ее перед просмотром фильма не пригласили. Но она все равно уверенная в себе оставалась до начала просмотра. А когда фильм начали смотреть, то ее на экране почти что и не видно было. Так, мелькнула несколько раз, и то все больше со спины, ну, пару фраз сказала. Только в конце, когда титры пошли, мелким шрифтом ее фамилия мелькнула. Вот что значит монтаж. Сняться — это еще половина дела, монтаж пройти надо.

— А дальше?

— Слезы, размазанная тушь, сломанные цветы, разочарование и все такое. Надломило ее это как-то. Больше она не снимается.

Понятно тебе?

— Понятно, — промычал пасынок и отправился играть на компьютере.

На следующий день напуганный страшными рассказами мачехи Юрий прибыл на съемочную площадку заранее и был изрядно раздосадован тем, что начало съемок задерживается на полтора часа из-за отсутствия режиссера. Юрий не любил ждать других, считал это унижительным. И хотя он обычно был ничем не занят, ему очень не нравилось тратить время в ожиданиях. Из-за этого он всегда старался рассчитать время на дорогу как можно точнее и выходил впритык. В результате ему постоянно приходилось очень торопиться, вскакивать на подножку уходящих трамваев, нервничать, потеть и все такое прочее.

Но время шло. Вот уже приехали светотехники, гримеры, пришел оператор,

и, наконец, кто-то раздраженно крикнул: «Бубликов, проходи в гримерную», и Юрия начали гримировать. Появился режиссер. Потом было снято несколько сцен без участия Юрия. И только когда солнце начало клониться к закату, подошла очередь съемок сцены, где он был задействован. Сама сцена была незатейлива. Юрий за рулем машины сопровождения главаря банды — черного внедорожника «Мерседес» — въезжает на автостоянку стадиона через толпу болельщиков — участников массовой. В машине с Юрием находились два артиста, тоже молодые ребята, лет по двадцать пять, играющие телохранителей главаря банды Рамзеса. Машина въезжала с открытыми стеклами, и потому их лица должны были попасть на экран.

Сцену снимали долго. То машина въезжала в толпу болельщиков раньше, чем нужно. То болельщики шли не

в том направлении. То в кадре неожиданно появлялся кто-то лишний. Массовка — дело непростое. В результате начинающие артисты — а они были одного возраста — проторчали в машине не менее часа, и в перерывах между съемкой разговорились друг с другом.

— Вас как, мужики, зовут? — первым спросил Юра.

— Меня — Алан.

— Меня — Знаур.

Они были кавказской внешности, но говорили почти без акцента.

— А тебя как зовут? — поинтересовался Алан.

— Меня — Юра. Будем знакомы.

И они обменялись рукопожатиями.

— Снимаетесь в кино первый раз? — спросил Юра.

— Нет, я уже — третий, — ответил Алан. — Я вообще-то профессиональный артист, в театре играю.

— А я — первый, — сказал Знаур. — А ты?

— Я тоже не первый, вернее сказать, пробовал до этого, но не получилось ничего. Сказали: работать над собой надо, — ухмыльнувшись, пояснил Юра.

— Это бывает. Хотя, по-моему, в кино при желании кого угодно снять можно. Это тебе не театр, — сказал Алан.

— В каком смысле?

— Ну, как тебе объяснить. В кино можно хоть десять, хоть двадцать дублей сделать. И даже потом, если не все нравится, из одного дубля один кусок взять и с другими смонтировать. Потом — с тобой режиссер все время. Он тебе и покажет, и укажет...

— Ну, это он с кем как, — прервал его Знаур.

— Я говорю, если он кого снять захотел, конечно, — пояснил Алан. — Так-то он со всеми цацкаться не будет.

Уберет с площадки и все. Хотя, с другой стороны, фильм все же его. И цацкаться тоже много приходится. Без конца менять людей накладно.

— Оператор тоже помогает, — добавил Знаур.

— От оператора, конечно, многое зависит, — со знанием дела подтвердил Алан. — Хороший оператор весь фильм делает. Они с режиссером советуются, как какую сцену снимать лучше будет.

— А в театре что? — спросил Юрий.

— А в театре — вышел ты на сцену и остался один на один с публикой. Что не так сыграл, уже не переснимешь! Текст забыл — пиши-пропало. А запоминать какие тексты надо! Одно это чего стоит! А потом, сыграл плохо — не переиграешь уже. Там отсутствие профессионализма актера ничем не скроешь. Все сразу видно, кто есть кто. За это мне театр и нравится.

— Что же вы в кино сниматься пришли?

— А деньги? В театре я за месяц столько не заработаю, как здесь — за два дня съемок. Хоть и роль-то пустяковая, почти что массовка, а все равно. Потом, приятно, конечно, себя на экране увидеть. Какой артист не хочет стать знаменитым?

— Вы из одного театра?

— Да, но меня только что, точнее, месяц назад, в труппу взяли, — сказал Знаур.

— А в театре что играете?

— Чехова.

Как его? «Вишневый сад».

— А еще что?

— Пьесу Островского играл как-то, — сказал Алан.

— Понятно, — сказал Юра.

— А ты что делаешь? — спросил Юрия Знаур.

— В литературном институте учусь.

— Ну и как?

— Нормально, в общем.

— А потом что будешь делать?

— Пока не знаю. Доучиться бы.

А там... Вот, может, в кино покатит, — ответил Юрий.

Они помолчали немного.

Потом Знаур сказал Алану:

— Слушай, какую историю тебе расскажу. В прошлую пятницу поехал я к своему брату. Он однушку снимает на Водном стадионе. Ну, выпили, закусили там. Все по-человечески. Девочки пришли. Хорошие такие. Только им домой надо было. Пошли их провожать. Вышли на Ленинградку, значит. Я, само собой, машину ловить стал. Неудобно девчат на метро отправлять. Тут подъезжает такой на девятке. Армяшка. Машина вся прогнившая. Ладно, я дверь открываю. Спрашиваю: «До Печатников

поедешь?» Он мне: «А сколько запла- тишь?». Я ему: «Двести рублей», — го- ворю. А он мне тут и говорит: «Какое двести рублей? Ты их в жопу себе за- сунь, жмот! Закрывай дверь!». И уехать хочет. Ты понимаешь? Он оскорбил меня! Я ему говорю тогда: «Ах ты, гад! Это я тебе сейчас в жопу кой-что засу- ну! Выходи из машины!» Тут он прут железный достает и за мной. Я — бе- жать. Один раз он мне попал по руке вскользь, вот тут прошло, — и Знаур показал еще не зажившую ссадину. — Но тут брат мой сзади к нему подбе- жал — а брат мой здоровяк, ты его зна- ешь, — заломил ему руку и прут ото- брал. Прут мой брат в кусты выбросил, он ему не к чему, он и без прута лю- бого заламает. Армяшка от брата мое- го побежал, брат — за ним. Они вокруг машины армяшкиной бегают, и мой брат ему пендалей дает, по жопе по его

жирной. Во смеху-то было! — и Знаур залился смехом.

Алан тоже улыбнулся.

Потом Алан обратился к Знауру:

— Ты с ней говорил сегодня?

— Говорил, — мрачно ответил его друг.

— Ну и как?

— Сказала, что завтра заплатит.

— Как так — завтра? Договаривались, что каждый день рассчитываться будут, а мы уже четвертый день без денег си- дим. Мне домой не на что ехать.

— Иди и сам с ней говори, — отрезал Знаур.

— И пойду, и пойду, и скажу ей, что за дела такие, вообще? — возбужденно забормотал Алан.

Тут вдалеке крикнули: «К съемке приготовиться!»

Через минуту тот же голос прокри- чал: «Мотор, хлопушка, машина пошла, пошла, пошла машина».

Юрий завел двигатель, нажал на газ, и вот они уже проезжают сквозь толпу неохотно расступающихся болельщиков — участников массовой. Наконец вдалеке крикнули: «Снято»!

Артисты вышли из машины, и Юра отправился к помощнику режиссера выяснять, когда ему играть следующую сцену. По плану она должна была идти сразу же за только что отснятой.

— Ну что, Петр Терентьевич, сейчас опять меня снимать будут? — спросил Юра у помощника режиссера.

— Подожди, сейчас не до тебя. Второстепенные сцены перенесли малость. Сейчас Джимиева сцена будет. Он вот вот подъедет.

Джимиев был известным актером и играл одну из главных ролей фильма.

— Хорошо, наверное, быть Джимиевым, — мечтательно сказал рядом женский голос.

Юра повернул голову и увидел самого Джимиева, который выходил из красного спортивного «Мерседеса». Его тут же окружили какие-то услужливые люди.

— Пожалуйста, Михаил, проходите в гримерную. Начинаем через десять минут, — журчала ему в ухо симпатичная девушка, мастер по гриму.

— Восходящая звезда, — говорили проходившие мимо юные актрисы и зачарованно смотрели на Джимиева. Он был высоким, приятной наружности мужчиной лет тридцати пяти. Часто улыбался. Разговаривал спокойно, с чувством собственного достоинства.

Юрий подошел к стоявшим рядом своим новым знакомым.

— Съемку нашей сцены, мужики, опять перенесли. А всю первую половину дня я вообще напрасно прождал в гриме. Сколько зря потраченного вре-

мени! — выразил свое недовольство Юрий.

— Привыкай, — отвечал ему Алан, — на съемках все делается для удобства режиссера. Чтобы все у него всегда были под рукой. Сцены могут менять места, и потому артисты должны быть все на месте.

— Не все, — и Юрий мотнул головой в сторону автомобиля Джимиева.

— Это правда, — согласился Алан, — не все. Известные артисты могут себе позволить, чтобы под них подстраивались.

«Это еще как отношения с режиссером сложатся...» — подумал Юрий.

— Как дела, ребята? — подошедший Джимиев дружелюбно хлопнул по плечу Алана.

Они, очевидно, уже были знакомы.

— Все бы ничего, земляк, да только... — сказал Знаур.

— Что только? — спросил Джимиев.

— Сами разберемся, — сказал Алан и сердито посмотрел на Знаура.

— В чем проблемы-то? — улыбаясь, спросил Джимиев.

— Денег нам который день не платят, — сказал, понурившись, Знаур.

— Это как это? — брови Джимиева поползли вверх, а в его голосе послышались барские нотки.

— Так, «завтра, завтра, завтра» каждый день говорят.

— А как договаривались? — спросил Джимиев.

— Договаривались, что каждый раз после съемок.

— Ну так идите и скажите, что пока денег не заплатят, сниматься не будете, и все. Что они о себе думают, вообще?

— Вот так и сказать? — робко спросил Знаур.

— Конечно. Я бы так и сделал. Уго-

вор дороже денег. Я это лично так понимаю, — сказал Джимиев, и его голова гордо поднялась, а плечи расправились.

— А если нас уволят? — спросил Алан.

— Не уволят. А уволят, к другому режиссеру пойдете. Не проблема. Идите, идите. Поговорите с финдиректором.

— Говорили уже.

— Ну и что?

— «Завтра», — говорит, — «точно заплатим». — А мне есть не на что.

— Тогда к режиссеру идите и скажите, что сниматься не будете, пока денег не дадут.

— Ладно, после съемок подойдем, — сказал Алан.

— После съемок поздно будет, — сказал знающий Джимиев.

— А что, они вообще деньги нам могут не заплатить? — спросил Знаур.

— Нет, это вряд ли. Серьезная сту-

дия. Промурыжат немного и выплатят в конце концов.

— Мне деньги сейчас нужны, и договаривались к тому же, — сказал Знаур.

— Тогда идите — что ждать милостей природы...

— Михаил, прошу вас на съемочную площадку, вас ждут, — послышался участливый женский голос.

— Ладно, мужики, — сказал Джимиев, — еще увидимся после съемок.

— Ну что, пойдём? — Знаур посмотрел на более опытного Алана.

— Не знаю, а вдруг уволят?...

— Ну и сиди дальше, трясись как осиновый лист, а я пойду, — пристыдил он Алана. Повернулся и пошел.

— Слушай, подожди, я с тобой, — обвинение в трусости для Алана было непереносимо.

Через час закончили снимать сцену с участием Джимиева. Артист тепло

попрощался с режиссером, и уже хотел было еще раз поговорить со своими земляками, узнать, чем закончился их разговор об оплате, но тут зазвонил его мобильный телефон, и он, увлекшись разговором, сел в машину и уехал.

Съемки следующей сцены прошли без участия Алана и Знаура. Больше Юрий их на съемочной площадке не видел. Не доводилось ему видеть их и в картинах других режиссеров.

Сентябрь 2008

Столичная штучка

Как-то раз после полудня зазвонил мобильный телефон сантехника Степана Клюева. На улице не первый день стоял июньский зной. Маленькая полуподвальная комнатка ЖЭКа, где Клюев обычно проводил рабочее время в ожидании вызовов на объекты, напоминала парную. И не мудрено: солнце начинало светить в окно сразу после одиннадцати и скрывалось за соседним домом только под вечер, когда и без того пора было идти домой. Духота становилась особенно нестерпимой на третий - четвертый жаркий день к ряду, когда блочные стены дома разогревались в течение дня и за ночь не успевали остыть. Сейчас как раз был такой случай. Несмотря

на это, Клюев всегда с неохотой шел на вызовы, предпочитая безделье в жаркой комнатке работе. Да и ради чего было гнуть спину, спрашивается?

Клюеву было слегка за тридцать. Он давно для себя усвоил, что переработки, как и тяжелая работа вообще, больших денег не приносят. Ну заработает он еще сотню - другую, и что? Горбатиться, чтобы жена его, Клавка, себе юбку еще одну купила? Не — и так походит. Юбка у нее уже есть. А на что другое все равно не хватит.

«Вот если бы на квартиру заработать можно было, так чтобы переехать из «однушки» хотя бы в «двушку», — размышлял сантехник, глядя из цокольного этажа на раскаленный асфальт, — это еще куда ни шло. Или машину, хоть, купить. А так — не. Ну их».

Телефон продолжал звонить.

«Кого это еще черт несет? — подумал

сантехник. — Как бы не вызов срочный оказался. Еще перетяся мне под конец рабочего-то дня невесть куда не хватало».

Он уставился на дисплей аппарата в потугах разобрать номер вызывающего абонента. Номер казался ему незнакомым. По идее, если на срочный вызов, то должны были звонить по городскому. С другой стороны, он уже специально пропустил несколько звонков с городского часа два назад, и теперь это могло звонить его начальство, чтобы принудить его к работе. Подумав немного, Клюев все же поднес аппарат к уху.

— Але, — сказал он настороженно.

— Степка, Степан! Привет! — зажурчал в трубке высокий женский голосок.

— Здорово, — недоверчиво пробасил Клюев.

— Ну как ты, Степка? Как поживаешь?

— Да все путем.

— Какой ты немногословный! Расскажи поподробнее! Ты всегда букой был!

— Да путем все, я же говорю, чего рассказывать-то? — настороженно басил Ключев.

— Ты меня не узнаешь, что ли?

— Катенька, — неуверенно произнес Ключев, — ты, что ли?

— Ну наконец-то, узнал! А то кто ж еще?

— Катенька! — оживился Ключев, — вот здорово, ты где?

— Где, где? В Самаре!

— Как в Самаре?

— Вот так, Степка. А ты что ж, не рад мне?

Степка был Катеньке очень даже рад. Она приходилась Ключеву дальней родственницей, то ли троюродной, то ли четвероюродной сестрой. Он всегда путался в мудреных категориях родства.

Катенька была младше его на несколько лет. Сейчас ей должно было быть около тридцати. В детстве и подростками они проводили вместе много времени на школьных летних каникулах в деревне у бабушки. Дом стоял на берегу Волги. Там было здорово. В остальное время они меньше виделись, потому что жили на противоположных концах Самары. Потом Ключев ушел в армию, а когда вернулся, выяснилось, что Катенька подалась в Москву. До него доходили слухи, что она там неплохо устроилась. Сам он женился. Перезванивались они редко. Последний раз Ключев разговаривал с Катенькой несколько лет назад: поздравлял ее по телефону с каким-то праздником. Разговаривала она с ним очень важным голосом.

«Столичная штучка стала!» — подумал он тогда и решил ей больше не звонить.

Но в его памяти она так и оставалась смешным и неуклюжим подростком с большими доверчивыми и слегка испуганными глазами.

— Ты когда приехала-то? — спросил Ключев.

— Только что с поезда сошла и сразу тебе звонить.

— Вот здорово! — заулыбался сантехник. — Раз ты в Самаре, давай к нам в гости приезжай скорее. Пивка выпьем.

— А можно?

— А что такого? Конечно! Давай!

— Ну, я не знаю, у тебя жена, сын, я слышала, родился, — засомневалась Катенька.

— Ну и что? Клавка моя гостям всегда рада — она у меня компанейская. А мы ж с тобой родня как-никак. А Василек наш все равно в деревне у бабки все лето живет.

— Ну, я даже не знаю, неудобно как-то...

— Никаких «не знаю», приезжай, давай, и все. Сейчас сколько? — и он взглянул на часы. — Пять часов как раз.

— А где ты живешь сейчас? — спросила Катенька.

— Цеховая улица, дом пять. Помнишь, баба Настя была.

— Да.

— Так это ее квартира. Она умерла два года назад. А квартиру, значит, нам оставила. Так и живем в ней. Так я тебя жду? Квартира пять, первый подъезд, второй этаж.

— Боюсь, Степка, я не найду.

— Тогда, ты знаешь что? Давай на станции Кировской я тебя у выхода встречу, и вместе пойдем. Идет?

— Идет, через полчаса там тогда, — и трубка замолчала.

По дороге до «Кировской» Ключев по-

размышлял немного, не предупредить ли ему жену, что он придет не один. Но потом решил, что не стоит зря тратить деньги с мобильного телефона — гостеприимная хозяйка Клава всегда была рада его приятелям. С тех пор, как во дворе убрали деревянный стол со скамейками, они частенько к нему заходили выпить по паре бутылок пива с воблой и сыграть в домино. Спиртным Клюев никогда не злоупотреблял и спать предпочитал ложиться рано.

Через каких-нибудь двадцать минут сантехник добрался до Кировской. Катенька уже ждала его. На ней было облегающее платье выше колена, легкий приталенный пиджачок белого цвета, который, как показалось Клеуеву, был ей маловат. На ногах ее были белоснежные босоножки. Сама она была стройна, как осинка. Глаза ее были по-прежнему большие и слегка испуганные.

— Катенька! — радостно прокричал Степан и расставил руки.

— Степка! — прокричала Катенька и бросилась в его объятия.

Когда они проходили мимо ларька, Клюев купил три бутылки пива: Катеньке, Клавке и себе. Наивные глаза в сочетании с пухлыми щечками и надутыми губами придавали Катеньке вид хрупкости и незащищенности. Идя рядом с ней, среднего роста и немного полноватый сантехник вдруг почувствовал себя рыцарем-защитником хрупкого и нежного создания.

Через пятнадцать минут они уже подходили к дому Степана. Поднялись на второй этаж, и Степан нажал кнопку звонка.

Клава открыла дверь почти сразу. Это была полноватая женщина среднего роста — обычно Степану всегда нравились женщины в теле, хотя встречались и ис-

ключения в его жизни. Клава не была красавицей, но у нее были правильные черты лица. На ногах ее были матерчатые потертые шлепки. Одета она была в тренировочные брюки и свободную майку на выпуск. На ее голове была повязана косынка, а на лбу выступали капельки пота. В больших белых руках жена сантехника сжимала утюг. Было понятно, что ее отвлекли от домашних забот.

Она быстрым взглядом осмотрела Катеньку. Ее маникюр с педикюром, ровный загар и модная удоба определено не пришлись Клавдии по душе.

— Клавка, принимай гостей, — радостно протрубил Степан. — Знакомься, это Катенька, моя сестричка. Я тебе рассказывал о ней, помнишь, наверное?

Услышав, что гостя приходится мужу сестрой, Клавдия немного оттаяла и сказала, глядя на Катеньку:

— Катя, проходите, пожалуйста. Снимайте обувь. Вот тапочки.

— Спасибо Вам, я лучше босяком, — беспечно пропела Катенька.

— Что это вы все на «Вы», да на «Вы». Все же свои, — заговорил Степка, почувствовав неловкость. — Давайте-ка на «ты» к друг другу обращайтесь.

Через полчаса они уже сидели за столом и ужинали. Постепенно Клавдия оттаяла, первоначальная неловкость ушла, и завязался обычный житейский разговор.

— Ну что это мы все о нас, да о нас, — говорил Степан, — расскажи, теперь, лучше о себе. Как ты там, Катенька, в Москве устроилась? Где живешь? Где работаешь?

— А что я? Все как обычно, — рассказывала Катенька своим тоненьким голоском. — Работаю инструктором в фитнес-клубе.

— Фитнесы у нас тоже есть, — махнул рукой водопроводчик. — Я и сам ходил несколько раз, мне понравилось. Жаль только — дорого больно. Мне это удовольствие не по карману, а то я б ходил.

— А чего там интересного, в фитнесе? Не понимаю, — ответила Катенька. — Я вот не понимаю, зачем люди приходят в фитнес-клуб. Им что, делать совсем нечего?

— Не, я б ходил, если б деньги были, — сконфузившись, промычал водопроводчик.

— Ну а зачем, зачем? Зачем в Джим ходить? Потеть там часами?

— Ну, не знаю, чтоб тело красивое было.

— Это все от конституции зависит.

— От чего? — спросила Клавдия.

— От конституции. Если человек от природы с тонкой костью, то просто есть много не надо, и все в порядке будет.

При этих словах Катеньки Клавдия посмотрела на свои крупные руки и спрятала их под стол.

— Так тебе что — твоя работа совсем не нравится? — спросил Степан.

— Да ну, что там особенно хорошего?

— Ну, не знаю, кондиционер там и все такое, чисто, красиво все вокруг, наверное, — мечтательно сказал Степан, припоминая свою душную комнатенку в ЖЭКе с ободранными стенами.

— Кондиционер, чисто, красиво — это да, а остальное?

— А что остальное?

— Деньги маленькие. А отношения какие?

— А что отношения?

— Не любят меня там, понимаешь? Чужая я им.

Как будто угрожая далеким обидчикам сестры, водопроводчик расправил

грудь и, не замечая неодобрительного взгляда жены, с вызовом сказал:

— Не поверю, чтоб Катеньку мою не любили.

— Не любят, Степка, не любят, — вздохнула Катенька. — Другие инструкторши говорят, что на меня посетители отвлекаются. И что я их к себе переманиваю. Как будто я специально их отвлекаю! А тетка-менеджер, противная такая, недавно сказала мне, чтобы я майку без выреза и с длинными рукавами носила. Униформа у них такая, видите ли! Так жарко же! Я же только из-за этого, а не чего-то там, — и Катенька сделала неопределенный жест рукой.

— Короче, не нравится тебе твоя работа, — сказала Клава.

— Нет, но что делать.

— А что тебе нравится? — спросила Клава.

— Не знаю даже, — неопределенно

ответила Катенька. — Люблю на дискотеки ходить. Ночные клубы мне нравятся. Там прикольно: музыка играет, светомузыка, танцуют все, веселятся. А вы на дискотеки, в ночные клубы ходите? Они есть в Самаре-то?

— Есть, конечно, — живо отвечал водопроводчик, — но мы не ходим.

— Ну да, семья, дети, — с состраданием в голосе заметила Катенька. — С ребенком сидеть приходится, ужин готовить, стирать надо.

— Я и до свадьбы дискотеки не любил, шумно там, не слышно ничего, не поговоришь, мелькает все как-то, — признался Степан, а Клавдия спросила:

— А ты сама-то замужем, дети есть?

— Нет, рано еще, да и не везет мне как-то все в жизни.

— А чего тебе не везет-то все? — спросила жена сантехника.

— Сама не знаю. С подругами вот тоже не везет все. Недавно, к примеру, приехала на дачу к одной подруге своей. Она у нас в Джиме пока замуж не вышла, работала. Я с утра, пока все спали, ходила по участку и нашла белый гриб, большой такой, крепенький. А ее муж, Слава, тоже проснулся пораньше со мной грибы собирать — мы еще с вечера условились. Увидел, что я гриб нашла, взял и из него мне сварил супчик. Тут как назло его жена проснулась и увидела, как я супчик ем, и говорит: я тоже, мол, хочу. Но больше супа-то не было. Она разоралась тогда — супа ей стало жалко. Скандал целый затеяла. Пришлось мне с дачи уехать. Все из-за какого-то супа. Жалко ей его стало.

— Кого? — прищурившись, спросила жена сантехника.

— Супчика грибного, кого ж еще? — ответила Катенька, и в этот миг Степка

почувствовал, что хочется как-то успокоить ему свою сестричку, приголубить ее, горемыку.

— А был еще случай. Поехала я тоже на дачу к одной паре семейной в гости на водохранилище. У них там дом большой. Много народу собралось на тусовку. Весело все так было. Напились все. Я к причалу подошла, а у них там пристань своя. Смотрю, там небольшая яхта моторная пришвартована. Очень мне захотелось тогда на ней покататься. А тут как раз хозяин дома на пристань вышел и интересуется, не хочу ли я прокатиться. А я на лодке, на такой, ни разу не каталась, понимаете? Я ему и отвечаю, что хотелось бы, конечно, только не знаю, как ею управлять. Поинтересовалась, есть ли какая прислуга, которая могла бы мне показать как. Хозяин же мне отвечал, что зачем прислугу беспокоить, когда он и сам рад будет

меня прокатить. Мне, сами понимаете, неудобно было отказаться в сложившихся обстоятельствах, я и согласилась. Поплавали мы с ним часик-другой — он все никак не хотел назад возвращаться. А когда к причалу подплыли, там жена его нас уже поджидала. Скандал такой затеяла. Кричала все, что когда она его просит ее покатать, то бензина никогда не бывает. Орала, что на нее бензин он тратить не хочет, а на меня бензин, значит, нашелся! Короче, бензина пожалела. Все орала и орала. Бензина пожалела, представляете. Мне уехать, короче, из-за бензина пришлось!

— Бензина, значит, пожалела. Понятно, — как-то странно сказала жена сантехника, а потом добавила, — а ты зачем, Катерина, приехала-то?

— Да у меня тетка умерла, квартира в наследство, вроде, осталась. На-

следники другие, конечно, имеются. Тяжба предстоит. У меня ведь после смерти тетки, по-хорошему никого и не осталось теперь. Некому меня теперь и защитить-то. Родители-то мои еще несколько лет назад умерли. И дом их пропал. Ничего и никого у меня нет.

— Как это, никого нет? — возмущенно пробасил Степка. — А мы тебе, не родня, что ли? Ты нас теперь держись, и все нормально будет. Я тебе везде помогу, сестренка.

— А какие вы братья-сестры? — спросила Клава.

— Как это, какие? — не понял сантехник.

— Какое родство? Я что-то не помню, чтобы у тебя, Степа, родные сестры были.

— Мы не родные, а двоюродные или, может, троюродные, не помню

точно, — пояснила Катенька, — я в этих родственных названиях путалась всегда.

— Я тоже! — воскликнул Степка, — да какая разница, главное: родня!

— Я вот сейчас припоминаю, и мне кажется, что вы четвероюродные брат с сестрой, — прищурившись, заметила Клавдия, для которой этот вопрос, очевидно, имел немалое значение.

За разговором время пролетело быстро. На улице вечерело.

— А ты где ночевать собираешься: в теткиной квартире? — спросила Клавдия.

— Нет, мне туда нельзя, там наследники другие. Они меня не пустят. Придется в гостиницу какую-нибудь поехать.

— А ты что ж, не заказала себе номер заранее? — спросила Клавдия.

— Нет, забыла, как-то из головы вылетело.

— Зачем гостиница?! Да и ночь на дворе! Мы что, не родня, что ли? У нас переночуешь, и дело с концом! Правда, Клава?

Было заметно, что жена сантехника определенно не разделяла энтузиазма мужа по данному вопросу. Однако, выдержав паузу, она согласилась:

— Ладно, пойду стелить кровати, а тебе, Катерина, раскладушку Василька на кухне поставим.

— А удобно это? Может быть, лучше я... — широко раскрыв наивные, глаза начала было Катенька.

— Удобно, удобно, — пробасил довольный Степка, — а я с тобой, пока Клавка ко сну готовится, на кухне посижу, чайку выпьем.

Клавдия вышла из кухни, а Степка, повернувшись к Катеньке. Тут надо отме-

тить, что если бы водопроводчик имел привычку давать себе отчет в своих чувствах, то он вынужден был бы признать, что его отношение к Катеньке под воздействием ее облегающего платья уже перестало ограничиваться лишь родственными чувствами. Зато жена сантехника Клава прекрасно заметила постигшие ее мужа перемены. И потому, прикрыв за собой дверь, не пошла в комнату, а стала прислушиваться к беседе родственников.

— Ну, как живешь, Степка? — в который раз за сегодняшний вечер спросила Катенька.

— Нормально.

— А не скучно тебе вот так?

— Как так? — почему-то смутился сантехник.

— Ну так: семья, дом, быт...

— Мне-то? Мне — не, — сказал он, почесывая затылок.

— Не ходишь никуда.

— А куда ходить-то?

— Ну не знаю.

— А хочешь, завтра погулять на реку пойдем, как в школе?

— Я даже не знаю, неудобно как-то...

— Чего там не удобного? Пойдем, да и... И без того короткая речь водопроводчика в этот момент была прервана звуком открывающейся двери. Вошла Клава и хмуро заметила:

— Степан, я посмотрела, у раскладушки ножки разболтались больно. Никак нельзя на ней взрослому человеку ночевать. А то не сегодня - завтра Василек из деревни вернется — негде спать ему будет, если раскладушку-то ломаем.

— Дай-ка я сам посмотрю, — сказал Степка вставая.

— Нечего тебе и смотреть, Степан, — повышая голос, сказала Клава, — вот

тебе телефон, вызывай такси для сестрички твоей, у меня тетка в гостинице привокзальной работает, для меня всегда одно место найдет.

— Нам такси не к чему, только деньги тратить, — забубнил Степан.

— Раз так, то, что ж я, сестричку не провожу, что ли?

— Не проводишь, Степан, — еще громче сказала Клавдия, — на улице неспокойно вечерами, а ты у меня один — что я потом с инвалидом-мужем и с ребенком малым на руках делать стану, если ты с хулиганами ненароком встретишься?

— Да я... — начал, было, Степан, но, посмотрев на жену, осекся. Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего. Он развел руками и начал набирать номер такси.

«Раскладушку ей жалко стало», — с

досадой думала Катенька, сидя в такси по дороге в гостиницу.

Август 2009

На чужбине

Скрипнули шасси самолета. Аэробус 320 совершил мягкую посадку в «Хитрово». Был конец октября. Солнце весело светило в иллюминаторы. На улице было сухо и тепло.

— Ну вот мы и в Лондоне, — сказал Вадим Петров своему соседу Игорю Захарцеву. Оба они были управленцами среднего звена одной большой международной корпорации. Но Вадим работал в Лондоне, а Игорь — в Московском офисе. По работе им приходилось часто соприкасаться друг с другом.

Вадиму на вид было лет сорок пять. Он был широк в плечах, с солидным животом, приземист. Красноватый цвет лица выдавал в нем гипертоника. У него

были пухлые губы, мясистый нос и черные с легкой проседью кучерявые волосы. Буйная растительность на его лице порой принуждала его бриться дважды в день. Из-под нависших густых бровей черные глаза его буравили окружающий мир. Все это придавало ему отдаленную схожесть с цыганом.

Игорь был еще молодым человеком лет тридцати, небольшого роста и субтильного телосложения. Несмотря на свой возраст, он в последние годы здорово продвинулся по служебной лестнице в корпорации, и теперь перед ним открывались хорошие перспективы. У него было беззаботное выражение лица, свойственное молодым и уверенным в себе людям, которым кажется, что им все по плечу и что карьерный рост их никогда не закончится.

Они направлялись к пункту паспортного контроля.

— Сколько раз прилетаю в Лондон, почти всегда светит солнце, — сказал Игорь, глядя в окно аэропорта, — и почему только Англию называют «Туманный Альбион»? В сравнении с Москвой, где количество осадков неизмеримо больше, здесь просто...

— А кто, собственно, говорит про Москву, мой дорогой? — перебил его Вадим, похлопывая по плечу. — Европейцы сравнивают ведь с континентом — с западной Европой, то есть. Да, в Париже, в Испании действительно гораздо больше солнечных дней, чем в Лондоне.

Игорь промолчал. Ему не нравился покровительственный тон его товарища, старшинство которого он не признавал. Будто бы он сам не знает, как там в Париже с Испанией. Как же! Бывали и не раз.

Вскоре они вышли из здания аэропорта, и Вадим, остановившись на секунду, прикрыл глаза, немного поднял подбородок и потянул носом воздух.

— Лондон! — сказал он умиротворенно. — Все родное.

— Родное? — переспросил Игорь.

— Как-никак, десять лет мы уже здесь, — пояснил он тоном человека, долго стремившегося к чему-то и, наконец, достигшего цели своей жизни. — Наш дом здесь, друзья, знакомые.

Игорь промолчал.

— Ты сейчас куда? — спросил Вадим.

— В гостиницу.

— Поедем к нам на «Хай Гейт», покажу тебе, как мы живем, выпьем по стаканчику шотландского виски.

Вадим не питал дружеских чувств к Игорю. Кое в чем он его даже раздражал. В частности, Вадим не мог привыкнуть,

что тот обращается к нему «на ты», да и вообще не прислушивается к его рекомендациям. Из-за этого у них частенько возникали трения по рабочим вопросам. И сейчас Вадиму захотелось показать этому выскочке, как живут достойные люди в Лондоне.

— А где это? — простодушно осведомился Игорь.

— Это на севере Лондона. А ты где остановился? — ответил Вадим и отметил про себя: «Вот деревенщина-то, «Хай Гейта» не знает».

— В гостинице, на пересечении Оксфорд и Риджент стрит. Я в центре люблю.

— Ну минут за тридцать обратно на такси точно доберешься.

— Далековато будет от центра, ну да ладно, поедем, раз приглашаешь, — Игорь посмотрел на часы: было около двух часов дня, спешить ему было не-

куда. Вечер у него все равно был свободен.

Они взяли Лондонский кэб и скоро уже катили по направлению к городу.

— Да, теперь у нас все по-английски, даже перешли на английские праздники, я уж не говорю про друзей, — сказал Вадим, с умилением взирая на пригороды Лондона.

— Я слышал, что в Европе, а в Англии тем более, ассимилироваться довольно сложно, особенно в первом поколении, — заметил Игорь.

— Все это очень и очень индивидуально, мой друг, — с ухмылкой пояснил Вадим. — Впрочем, как и во всем в жизни. Тут, знаешь ли, у всех по-разному получается. Сегодня вечером, например, к нам приходит Джон Фицпатрик с женой. Знаешь такого? — Вадим выдержал небольшую паузу. — Так вот, мы давно дружим семьями.

Игорь, конечно же, знал Фицпатрика. Им не раз вместе приходилось работать над контрактами. Сейчас он припомнил, как год назад они зашли в обеденное время перекусить в ресторан в лондонском Сити и разговорились на разные темы, не относящиеся к работе.

— Как тебе г-н Петров? — поинтересовался у Игоря Джон, зная, что они не очень ладили.

— Трудновато с ним иногда бывает. Туговат он немного, — осторожно признался Игорь.

— Да, это есть, — отвечал Джон.

— С одной стороны, он суровый такой: напугать, если в темном переулке встретишь, может, с другой — немного смешной. Сейчас он пообтесался немного, конечно, а раньше... — продолжал Джон. — Я помню его, когда он только пришел к нам в офис лет десять назад. Он тогда носил кожаный пиджак на ра-

боту. Каждый, конечно, может носить то, что хочет, но существует все-таки корпоративный стиль. А, принимая во внимание его габариты, уж больно он тогда смахивал на вышибалу из ночного клуба. Забавное было зрелище. Но что интересно, пиджак-то он сменил, а в целом мало изменился.

И вот теперь выяснялось, что они, оказывается, дружат семьями? «Ну и лиса же этот Фицпатрик», — думал Игорь, слушая Вадима.

— Сын мой в прошлом году окончил Лондонскую Школу Бизнеса. Его взяли на работу в Леман Бразерс. Сам понимаешь... — Вадим снова многозначительно замолчал, а потом продолжил. — Недавно он и его девушка Мэри Карс объявили о помолвке. Она из Шотландии. Ее родители — преподаватели в университете. Хорошая семья. Рождество будем справлять уже вшестером у нас. Короче,

все у нас с Наташкой — так звали его жену — теперь по-английски.

За разговором час дороги пролетел незаметно, и вот они уже подъехали к месту проживания Петровых. Это был небольшой дом, с двух сторон примыкавший к соседним строениям. Перед входной дверью расположился маленький участок земли, огороженный невысокой металлической изгородью.

— Это наш садик, Наташа этим занимается, — с гордостью сказал Вадим, любовно глядя на аккуратно подстриженные растения.

— А где же машины паркуете?

— На улице перед домом. Ты...

— А подземного гаража нет, что ли? — перебил его Игорь.

— Здесь это не принято. Да и не нужен он. Ни холодов российских, ни снега тут практически не бывает. Но ты заходи, заходи в дом, не стесняйся, — и

Вадим покровительственно похлопал Игоря по спине.

Они оказались в уютном, со вкусом обставленном помещении, ничто в котором не выдавало русское происхождение его хозяев. Даже книги были только на английском языке. В обширной кинотеке Игорь не заметил ни одного фильма на русском. Так, видимо, им было проще ассимилироваться. Несмотря на то, что Вадим хорошо говорил по-английски, до совершенства ему было еще далеко. Особенно плохо обстояло дело со славянским акцентом. Этот акцент был постоянной болью Вадима. А как он ненавидел вопрос «откуда Вы?», который время от времени ему задавали в самых неподходящих местах. Тем более что спрашивающий чаще всего сам легко мог определить его славянские корни. А Вадиму так хотелось раствориться в этой массе островитян!

— Сколько здесь квадратных метров? — простовато спросил Игорь, пытаясь определить стоимость помещения.

— Не знаю точно. Здесь так не принято мерить.

— А как же цена определяется?

Вадим недовольно поморщился. Он стремился сюда столько лет! А этот выскочка сразу все пытается перевести в квадратные метры и деньги. Ты сначала попади сюда!

— Месторасположением и количеством спален. У нас район сам понимаешь... — ответил он и самодовольно ухмыльнулся. — Там наверху две спальни и кабинет. На первом этаже, как видишь, студия. Может быть, не очень много..., но это же в Лондоне! Сам понимаешь... — пояснил хозяин, думая: «Тебе-то до этого, как до луны».

— Метров сто двадцать будет, — завершил свой незамысловатый подсчет

Игорь. Тут же перемножил на приблизительную стоимость за метр квадратный и решил, что запросто смог бы позволить себе такую покупку уже через год-два, в кредит, конечно же.

— У вас и ипотека висит? — бесцеремонно поинтересовался Игорь.

— Есть такое дело. Что будешь пить?

— Давай виски.

— Есть хороший молт.

— А «Блэк Лэйбл» есть?

— Этого не держим, извини. Здесь как-то приняты односолодовые сорта.

— Тогда давай молт, — безразлично согласился Игорь.

— Надо выработать правильный вкус. На вот, попробуй, — сказал Вадим, протягивая стаканчик желтой жидкости.

Они сидели в креслах. Вадим любовно оглядывал убранство своего дома. Потом он спросил у Игоря:

— Сам-то не собираешься?

— Что не собираюсь? — не понял вопроса Игорь.

— Ну, это... — Вадим ухмыльнулся, как чему-то само собой разумеющемуся, но, видя непроходимое непонимание собеседника, добавил:

— Здесь попробовать зацепиться?

— А, это. Да нет, как-то не думал, — ответил Игорь.

— Смотри, пока молодой. Потом сложнее будет, — продолжил свою мысль Вадим, а сам с досадой подумал: «Инфантильное какое-то поколение нынче в России пошло. Им только что в рот не подадут, а они отказываются. В наше время-то как попотеть надо было, чтобы сюда попасть!» Он вспомнил себя: сколько усилий ему пришлось приложить, чтобы обосноваться в Лондоне. Вадим перевел взгляд на гостя: «А он — не думал! А думать-то надо — потом поздно будет.

Ему бы сейчас использовать возможность, попросить меня — может, я бы чем и помог. Да бог с ним, не понимает — и не надо. А когда поймет, поздно уже будет».

Они посидели еще немного, поговорили на рабочие темы, и Игорь отправился к себе в гостиницу, а Вадим прилег вздремнуть с дороги. Но сон не шел к нему.

«И зачем я пригласил этого выскочку домой? — в раздражении, ворочаясь, думал Вадим, — все равно он ничего не понял!»

Вскоре вернулась с работы его жена, Наташа.

— Привет, Вадик. Я соскучилась!

— Я тоже.

Они чмокнули друг друга в щеки.

— Как прошла командировка в Москву?

— Расскажу тебе в ресторане.

— В ресторане?

— Да, я заказал столик в «Бентли».

— В «Бентли»! Какая прелесть! А не слишком ли это расточительно для нас? Что мы отмечаем?

— А ты забыла?

— Что же?

— Наше десятилетие переезда в Лондон.

— А! И правда! А я и забыла! Дай мне десять минут.

Через час они сидели в ресторане.

— Как быстро летит время! Десять лет! — вздохнул Вадим.

— Да, верно. Ну, расскажи, как Москва, — спросила Наташа.

— А что Москва? Та же грязь, холодные дожди, того и гляди снег пойдет, а за ним слякоть. Все как обычно.

— Ненавижу слякоть, — пробурчала Наташа.

— Кому уж такое понравится! Но

ладно бы только это, — продолжал Вадим, — как и раньше: одно хамство везде. Хамство на улицах, хамство в метро, хамство на дорогах.

— Что меня всегда удручало, и почему я так всегда стремилась уехать отсюда, так это именно бесконечное хамство и полная беспардонность. Тебя могут обматерить на улице, и всем это будет до лампочки, даже если рядом стоит милиционер, — поддержала Наташа мужа.

— А откуда там другому взяться? — говорил Вадим. — Все происходит от главного: от отношения к ценности жизни. Если сама жизнь ничего не стоит, — а в России она всегда не дороже трех копеек ценилась — то о каких правах человека, о каком достоинстве можно говорить? Милиционер — он такой же член общества. Если он с детства к унижениям и побоям приучен, то для него оскорбления — это норма жизни.

Как же он другим может запрещать то, что для него нормой является? Тут уж ничего не поделаешь! — развел руками Вадим. — Демократические традиции, прежде всего, в быту надо культивировать, а для этого и нескольких десятилетий не хватит. Века должны пройти.

— Это ты уж преувеличиваешь, Вадик...

— Никакого преувеличения. Я много раз задумывался, откуда вся эта суетливость и бытовая жестокость берется. Пришел ли ты в метро: вперед тебя норовят пролезть, зашел ли ты в магазин: никто тебе дверь не придержит, а то еще дверью тебе же по роже хлопнут. На дорогах — то же самое происходит, за право проехать первым люди готовы жизнь положить, — пистолеты, биты с собой возят — как будто если он вперед тебя проедет, то сразу в рай от того попадет. А потом ведь беззаконие и без-

наказанность полная и на всех уровнях царит — что в быту, что на самом вер-ху.

— Слава богу, что мы здесь. Помнишь, как мы еще студентами Университета мечтали вырваться из теплых, пусть и престижных, московских квартир наших родителей и уехать за границу из этого совка. И вот мы обосновались в Лондоне, имеем свой дом. Давай выпьем за исполнение наших желаний, — сказала Наташа и подняла бокал «Пти Шабли».

Они сделали по глоточку.

— Скажи, как у тебя дела на работе? — сменила тему Наташа.

— Довольно напряженно, — мрачно вато заметил Вадим, — сейчас сокращения большие идут. Не ровен час — можно под них попасть, как пять лет назад, помнишь? А в моем возрасте — он был старше Наташи на четыре года — работу

искать непросто. Если что, на тебя вся надежда.

— На мою зарплату прожить трудно, сам знаешь, — заметила Наташа.

— Кстати, мне в Москве работу предлагали. Довольно перспективную, и по деньгам совсем не плохо.

— Вадик? — с тревогой спросила жена. — А ты что?

— Не волнуйся, я отказался, конечно. Опять в этот совок погружаться у меня нет никакого желания. Ничего, ничего, что-нибудь здесь придумаем, — заговорил Вадим, — главное кредит погасить за дом, нам еще годик остался, а там, глядишь, и полегче станет. Лет пять протянуть, а там и «ранний уход на пенсию» оформить можно. Дом в Лондоне продать, самим на побережье перебраться. Все так делают.

Потом, не забывай, у нас на черный день есть кое-какая недвижимость: до-

мик в Варне, в Москве сталинская двушка. Нет, люди мы, конечно, небедные, что там говорить. К тому же парнишка наш не подкачал, теперь уже сам зарабатывает. Прорвемся как-нибудь. Между прочим, я на субботу пригласил Фитцпатрика, — в свою очередь сменил тему Вадим, — а в воскресенье мы идем на мюзикл «АББА».

— Ну и хорошо. Они, все-таки, очень приятные люди, эти Фитцпатрики.

Петровы вышли из ресторана. Был сухой приятный осенний вечер.

— Давай прогуляемся немного?

— Давай, — согласилась Наташа.

Они прошлись по Пикадилли, а потом свернули в тихие улицы «Мэй Фэа», где все дышит спокойствием и благородным достатком.

— За стенами этих домов не принято говорить о деньгах, — с некоторым благоговением сказал Вадим.

Тут, в довершение нарисованной его воображением картины благополучия этих мест, перед ними плавно остановился Роллс-ройс. Из него вышел усталого вида человек лет пятидесяти, портье беззвучно отворил ему дверь, ведущую в мраморную прихожую. Благородного вида господин молча кивнул портье и проследовал внутрь здания.

— Благородная седина, благородный профиль, благородная осанка, — глядя на него, подумал Вадим, — почему мне не дано было родиться им, в правильной семье, в правильном месте, в правильной стране?

Между тем, фотографии прошедшего перед ними человека Петров много раз видел в газетах и, безусловно, знал его имя из прессы. Просто он не смог разглядеть его как следует в темноте. Звали благородного господина Михаил Черногриев. Родился он шестьдесят

пять лет назад в маленьком, никому не известном ингушском селе. И тогда его звали Мухаммед. Много позже он для простоты стал называть себя Михаилом. Отец его был пастухом, а мать дояркой. В семье было пятеро детей, он был четвертым по счету. Михаилу не исполнилось и года, когда он осиротел — отца убили на фронте Второй мировой войны. Семья и до этого, мягко говоря, не была зажиточной, а уж со смертью отца им стало совсем туго. Старшие братья всегда помогали матери и младшим, благодаря чему у Михаила появилась возможность поехать к тетке в Грозный учиться в школе. С тех далеких лет, как он оставил свой аул, все вопросы, возникающие в его жизни, Михаил решал только сам. Долгое время судьба была к нему настолько благосклонна, что порой у Михаила возникало стойкое чувство, будто кто-то ведет его за руку по

жизни, наставляя на правильный путь, удерживая от неверных шагов. Так, не в пример многим одноклассникам, после окончания школы Михаил отправился в Москву поступать в институт. Ему говорили, что он зря теряет время, но он, веря в свою судьбу, поступал по-своему, и случилось чудо, его приняли в «Киросинку». Михаила всегда тянуло к нефти, и вот он уже учился, как ее добывать. По окончании института он долгие годы занимался нефтеразведкой, объехал всю Сибирь, побывал на Саматлоре. Потом, почуяв новые веяния перемен, в конце восьмидесятых он вернулся в Москву и организовал один из первых кооперативов по продаже компьютеров. Потом основал частный банк. Удачно пережил несколько покушений. Банк и торговая компания разрослись в финансово-промышленный холдинг. В самом начале строительного бума, он своевременно

заялся строительством. Потом вторгся в нефтяной бизнес. Он стал хозяином «заводов, газет, пароходов», с ним стали советоваться в правительстве Российской Федерации. Он вошел в почетные списки журнала «Форбс», где занимал далеко не последние строчки по размеру своего богатства. Он стал уважаемым человеком. И когда ему начало казаться, что положение его стало незыблемым, что он может практически все, начались неприятности. А главные неприятности у обеспеченных людей в России происходят из-за раздора с властями. Он попал в опалу. Поначалу Черногриеву казалось, что с ним происходит что-то странное, нелепое, что все это просто недоразумение, которое вот-вот должно закончиться, как уже не раз бывало, когда над его головой сгущались тучи. Но день ото дня претензий к нему становилось все больше. А суммы выявленных

налоговых неуплат достигли астрономических масштабов. И вот его менеджеров начали вызывать в прокуратуру, а одного из них даже задержали. Потом и ему самому прислали повестку явиться на Петровку 38. Выбора у него не было, надо было уносить ноги. Тогда вместо запланированного посещения Петровки, Черногриев отправился во Внуково 3, где его личный самолет всегда стоял под парами. Так он стал опальным олигархом.

В Лондон Черногриеву ехать совершенно не хотелось. Он несколько раз бывал в этом городе и раньше, но всегда стремился скорее вернуться назад в Россию. Особенно ему недоставало на чужбине своего дома из клееного бруса в ближнем Подмосковье зимой, пробежек на лыжах по заснеженному лесу, русской парной, где банщик Федя, поддав пару, хорошенечко пропарит его до-

брым березовым веником, а за окошком будет трещать январский мороз.

В тот вечер, Черногриев, прошел перед Петровыми, когда возвращался домой из ливанского ресторана «Фахреддин». В ресторане вместо национального «Арака» он попросил водки, которую предпочитал всем другим горячительным напиткам. Когда ее ему подали в широком бокале для виски, в который, в довершение всему, положили несколько кубиков льда, Черногриев совсем закручинился. С большим трудом ему удалось объяснить официанту, как нужно подавать водку. Вначале они убрали лед, а потом, под его нажимом, высоко поднимая брови в недоумении, все-таки заменили большой стакан маленькой рюмкой, предназначавшейся для граппы. А между тем, сердце Черногриева в тот вечер тосковало по запотелой стопке. Но ее-то в ресторане так и не оказалось,

и он, махнув рукой, выпил из того, что подали.

За исключением портъе, остальная многочисленная прислуга в английском доме Черногриева была русскоговорящая. Кого-то он нашел в Лондоне, кто-то приехал с ним сюда из Москвы, или из бывших советских республик. Так его рослая секретарша была родом из Украины. Она была совершенно некомпетентна, но зато хороша собой. Секретарша убедила Черногриева принять на работу ее брата, который с готовностью приехал в Лондон с той же Украины и уже несколько месяцев являлся его посыльным.

Черногриев не любил разговаривать на английском языке и толком не знал его. Тем не менее, отдавая себе отчет, в том, что срок его пребывания в Англии остается неопределенным, он начал брать частные уроки английского, но за-

нимался им без особого рвения. Девушка Аня, которая преподавала ему язык, тоже была русская. Она пыталась говорить с ним только на английском, но Черногриев требовал, чтобы грамматику ему объясняли на русском, а в течение уроков постоянно пускался в рассуждения о перипетиях своей жизни, которые вел на все том же русском языке.

Он рассказывал ей о том, как тяжело ему торчать без настоящего дела на чужбине, в отрыве от грандиозных событий, в которые он был погружен в Москве. Говорил, что не понимает, почему с ним такое произошло, и о том, как он надеется на скорое возвращение назад. Говорил о том, как его раздражают своим лицемерием англичане, о том, какие у них поддельные улыбки, и что он сам вынужден, не желая того, улыбаться в ответ, хотя на душе у него мрачнее тучи.

А девушка Аня слушала его, ела рос-

сийские конфеты, аккуратно разложенные в вазах, которые вместе с огромным перечнем милых его сердцу российских продуктов присылали специальными доставками из Москвы, и не понимала, о чем печалится этот человек, которому не надо заботиться о хлебе насущном. Что он забыл в этой холодной Москве? И чем так не прищлись ему по душе вежливые англичане.

Март 2009

Современная сказка

«Если ближайшая и непосредственная цель нашей жизни не есть страдание, то наше существование представляет самое бесполое и нецелесообразное явление. Ибо нелепо допустить, чтобы бесконечное... страдание, которым переполнен мир, было бесцельно и ... случайно».

Артур Шопенгауэр

В темноте ноябрьского утра раздался резкий звонок будильника. Подросток Петя Вяземский с трудом открыл заспанные глаза и уставился в потолок. Потом он отключил будильник и нехотя встал с кровати. Шаркая ногами, он проследовал в ванную комнату. Холодная вода, которой он долго тер лицо, немно-

го привела его в чувства, и он вспомнил, что надо позвонить своей однокласснице Светке Мерцаловой, чтобы вместе идти в школу. Светка ему очень нравилась. Они несколько раз гуляли вместе осенью. А неделю назад в парке, когда уже стемнело, она даже разрешила себя поцеловать. Правда, с тех пор Петя ей специально не звонил, чтобы «она не особенно себе воображала там». К его удивлению, все это время Светка тоже не обращала на него особенного внимания. И вот сейчас по Петиному разумению настало самое время предложить ей пойти в школу вместе. Петя набрал заветный номер, и из трубки послышался писклявый голосок Светки:

— Алло.

— Привет, Свет. Как в школу вместе идем?

— У меня насморк, Петя. Я еще не знаю, пойду ли я в школу сегодня. Иди

один лучше, — капризно ответила Светка.

«Тьфу ты черт!» — подумал Петя и пошел завтракать, тем более что мама давно уже звала его к столу.

Десять минут спустя Петя уже медленно плелся в школу. На дворе было хмурое утро поздней осени средней полосы. Солнце еще не взошло, и фонари тускло освещали улицы. Моросил дождь со снегом. Петя не любил дождь. Он, правда, был не против снега. Зимой можно было покататься на лыжах, поиграть в хоккей.

«Но снег с дождем! — думал сейчас Петя. — Это пакость».

До школы было идти недалеко: каких-нибудь пять-семь минут. Но как трудно они давались! Когда чего-то не хочешь, то самое пустяковое дело отнимает много сил. А Пете очень не хотелось в школу. Надо признать, что Петя

был немного ленив. Учение не доставляло ему большой радости. Однако избежать сей участи, похоже, не было никакой возможности. На душе у Пети было тоскливо.

Путь его лежал через дом, где жила Светка Мерцалова. Каково ж было его удивление, когда он увидел, как из своего подъезда выходит Светка, а за ней появляется Никита Савин, их одноклассник, и они вместе идут в школу! словно стрела пронзила Петину грудь. То было жгучее чувство ревности, познанное им впервые. Щеки его покраснели, а на лбу выступила испарина.

«Вот, значит, какой у нее насморк! — в негодовании думал Петя, идя за ними. — Ну ладно, пожалеешь еще! Только поздно будет!

Много всякой чепухи, как Светка будет жалеть, что предпочла пойти в школу не с ним, а с Никитой Савиным,

лезло в голову Пете, пока он, терзаемый ревностью, шел за ними. Мыслям этим суждено было прерваться, только когда перед самыми дверями школы остановился огромный черный автомобиль, и из него вынырнул их одноклассник Володя Самсонов.

«Вот это да! Мне бы так, на таком автомобиле к школе подъезжать!» — позаиводвал ему Петя.

Но вот уже Петя входит в раздевалку — довольно противное и временами даже опасное место. Там, под прикрытием одежды, развешанной на вешалках, старшие частенько терроризируют младших. Тут Петя неожиданно ощутил не столько болезненный, сколько унижительный пинок. Готовый наказать обидчика, — а Петя не был робкого десятка — он в ярости обернулся. На него с ухмылкой смотрел его старый недруг Витька Одноухов. На Петино несчастье

Витька Одноухов был не только старше его на год, но выше на целую голову и в два раза шире в плечах. Драться с ним означало быть не только униженным, но и побитым. Ничего не поделаешь! Поэтому Петя в бессильной ярости молча смотрел на своего обидчика. Злобный взгляд его не понравился Одноухову.

— Что, молокосос? — чувствуя свою полную безнаказанность, молвил Одноухов. — Ладно, на сегодня прощаю, — небрежно добавил он и пошел по своим делам.

«Почему я все это должен терпеть?» — пронеслась недетская мысль в голове подростка, но в это время раздался звонок, извещающий о начале первого урока, и Петя, прервав размышления, сломя голову побежал в класс биологии.

— Вяземский, почему ты опять опаздываешь? — учительница строго сдвинула брови, глядя на входившего в класс

Петю. Все уже сидели за партами. Подросток растерянно остановился возле двери и молчал. Не мог же он рассказать всему классу, что он опоздал из-за того, что получил пинка под зад от старшеклассника.

— Ну ладно, проходи на свое место, — сжалилась учительница по биологии, — но только чтоб в последний раз.

Петя проследовал за последнюю парту. Ему, как нерадивому ученику, всегда нравилось занимать место подальше от учителя. Пете казалось, что там, вдали, он сможет оставаться незаметным, и его будут реже вызывать к доске держать ответ по домашним заданиям, которые, несмотря на родительскую строгость, он готовил через раз.

К счастью, в этот раз урок начался с объяснения нового материала. Учительница начала монотонно говорить:

— Итак, ребята, тема нашего сегодняшнего урока — пищевая цепочка. Может быть, кто-нибудь знает, что это такое?

Тут же поднялась рука отличника Пятерикова Васи.

— Давай, Васенька! — с умилением глядя на прилежного ученика, сказала учительница.

— Это... — Пятериков встал, но замаялся ненадолго, как бы роаясь в своей памяти, и Петя злорадно подумал: «Срезался, наконец-то». Троечник Вяземский не любил отличника Пятерикова, считая того выскочкой. Но Пятериков все же выдавил из себя:

— Это когда один ест другого, а другой — третьего и так далее.

— Ну что ж, Васенька, молодец, в целом правильно, — просияв, сказала учительница.

— И откуда он все знает, ведь мы это-

го даже еще не проходили? — думал Петя. Ему кто-то говорил, что Пятериков летом читает учебники следующего учебного года, но он не мог в это поверить.

— Теперь давайте ребята разберемся с этим поподробнее. Классическое определение гласит: «Пищевая цепь представляет собой связанную линейную структуру из звеньев, каждое из которых связано с соседними звеньями отношениями типа «пища - потребитель». В качестве звеньев цепи выступают группы организмов, например, конкретные биологические виды. Связь между звеньями устанавливается, если одна группа организмов выступает в роли пищи для другой...»

«Хороша роль, ничего не скажешь!» — размышлял Петя, с неожиданно проснувшимся интересом слушая учительницу.

— Первое звено цепи не имеет пред-

шественника, то есть организмы из этой группы в качестве пищи не используют другие организмы, являясь продуцентами, — продолжала учительница.

«Это что-то вроде первоклассника, — мысленно интерпретировал новый материал в доступную для себя форму Петя, — каждый может дать ему пинка, а он — никому».

— Чаще на этом месте находятся растения, грибы, водоросли, — объясняла далее учительница.

«Не, первоклассник сюда не подходит. Самый захудалый первоклассник может съесть и грибы, и растения», — размышлял Петя.

А учительница продолжала:

— Обычно для каждого звена цепи можно указать не одно, а несколько других звеньев, связанных с ним в отношении «пища - потребитель». Каждая из таких цепочек и представляет собой

трофическую цепь. Так, траву едят не только коровы, но и другие животные, как то: зайцы и овцы; а коровы, в свою очередь, являются пищей не только для волка, но и для тигра, льва и, конечно же, человека, который и вывел этот самый вид, собственно говоря, для своего каждодневного потребления.

Кстати, ребята, мы многим обязаны этому чудесному животному. Оно дает нам молоко. Из него мы получаем сыр, сметану и другие молочные продукты. Наконец, оно дает нам мясо. Даже его шкуру используют в промышленных целях. Люди вывели огромное количество видов коров.

Петя представил себе жизнь коровы, проходящей в стойле, в ожидании убоя и ему стало досадно за нее.

«Но, ведь, корова тупа как пень! Где уж ей понять, что вся ее жизнь спланирована кем-то другим и что живет она

только для того, чтобы служить кому-то пищей. А вот интересно: если бы корова знала, для чего она живет на самом деле, смогла бы она жить? Слава богу, что я не корова и не трава, и не заяц, и не окунь», — размышлял Петя, припоминая звенья пищевой цепочки.

— Запомните, ребята, что организмы последнего звена в пищевой цепи не выступают в роли пищи для других организмов. Кто бы это мог быть? — спросила учительница, хитро глядя на класс.

Поднялось несколько рук. Отличник Пятериков был, конечно же, среди них.

— Ну, давай, Васенька, — кивнула учительница своему любимцу.

— Это человек, — гордо подняв голову, ответил Пятериков.

— Конечно же, ребята, человек стоит на вершине пищевой цепочки, — подтвердила вполне очевидный факт учительница. — А теперь давайте перейдем

к проверке домашнего задания. Кто пойдет к доске по первому вопросу?

Два ученика подняли руки. Понятное дело, Пятериков был одним из них. Плохо было то, что их знания не вызвали вопросов у учительницы. Вяземский вжался в стул, а голова его ушла в плечи. Его могли вызвать, а он плохо знал урок. Было страшно. А учительница все смотрела в журнал, и никак не могла выбрать жертву. И вот, когда страх достиг наивысшей точки, она буднично промолвила:

— Казанцева — к доске.

— Ууух, — пробормотал Петя и расслабился. До конца урока оставалось всего-то минут пять. Теперь его спросить точно не успеют! Петя мысленно вернулся к заинтересовавшей его теме о пищевой цепочке. Ему представлялись растения, которых пожирают травоядные животные, хищные животные, кото-

рые пожирают травоядных и, конечно же, человек, ежедневно пожирающий всех остальных.

— Здравствуй, Петя, — вдруг раздался тоненький голосок.

Думая, что его разыгрывает кто-то из одноклассниц, Петя повертел головой, но не увидел никого, кто мог бы над ним подшучивать. И подросток, подумав, что это ему показалось, вновь стал думать о пищевой цепочке.

— Здравствуй Петя! Что же ты меня не замечаешь? — снова донесся до его слуха тоненький голосок.

Петя опустил глаза и увидел, что на краю его парты сидит крошечная девочка. Она была почти прозрачная, и поэтому Петя не заметил ее сразу. Но теперь, присмотревшись, он различил на ее голове корону, а в ее руке стеклянную палочку. На ее спине были маленькие крылышки.

«Должно быть, это фея», — подумал Петя.

Он оглянулся по сторонам. Один из его одноклассников разговаривал с соседом, другой торопливо списывал у отличника Пятерикова домашнее задание для следующего урока, Савин, как обычно, дергал за косичку понравившуюся ему девочку, но на фею никто не обращал внимания.

— Не удивляйся, Петя, так часто бывает. Поглощенные ежедневной суетой, люди не склонны замечать значимые события своей жизни. Будь спокоен — они заняты своими делами и не видят меня. Люди, вообще, многого не видят, — продолжала фея, — но так для них даже лучше.

— Что ты имеешь в виду? — прошептал Петя.

— Да хотя бы всю эту историю про пищевую цепочку, которая так тебя заинтересовала.

— Это так. Это действительно интересная вещь, — прошептал Петя.

— Конечно интересная, — отвечала фея. — Только она могла бы быть гораздо интереснее, если бы ты мог ее увидеть чуть полнее.

— Как это полнее?

— А ты не боишься узнать как? — спросила фея.

— Разве может знание быть страшным? — наивно спросил неопытный подросток.

— А как же? С годами ты поймешь, что многого лучше не знать вовсе. Конечно, некоторые скажут тебе, что знание может и возносить, и придавать силы. И будут до некоторой степени правы. У некоторых людей даже есть такая поговорка: «Информирован — значит, вооружен». Но подчас знание может и убивать. Однако не будем терять времени на пустые разговоры — людям все

всегда становится понятнее на конкретном примере, так уж вы устроены. Смотри, — сказала фея и нежно коснулась стеклянной палочкой Петвиной руки.

В тот же миг Петя с удивлением для себя различил каких-то полупрозрачных существ, расположившихся на незанятых школьниками стульях. Существа эти не были похожи ни на что из ранее увиденного Петей. У них не было ни рук, ни ног, ни вообще каких-либо конечностей. У них не было ни глаз, ни носа, ни рта, ни ушей. Не было у них и головы. Наибольшее сходство они, по мнению Пети, имели с медузами, которых он видел на море прошлым летом.

— Кто это? — шепотом спросил Петя фею. — Медузы какие-то...

— Некоторые назвали бы их другой цивилизацией, — сказала фея, но, видя вопрос в глазах подростка, добавила, — мы же для простоты назовем их еще одним

звенем в пищевой цепи. Ведь ты уже знаешь, что это такое.

— Что ты хочешь этим сказать? — с тяжелым чувством спросил Петя.

— Посмотри лучше сам, как это происходит, — и фея взмахнула своей палочкой.

Петя вдруг увидел все происходящее с ним за сегодняшний день со стороны. Вот он, тоскуя, с неохотой идет в школу. А рядом с ним пристраивается какое-то желеобразное существо из числа его «новых знакомых». Между ним и существом возникает что-то вроде канала, внутри которого Петя различает легкое движение материи, идущее от него в сторону медузы. Причем, чем больше грустит Петя, тем толще становится канал, соединяющий его с медузой.

А вот он замечает перед собой Светку Мерцалову и Никиту Савина, и чувство ревности темной иглой пронзает его

сердце. Тут же к нему пристраивается еще одна маленькая медуза. А вот Петя видит своего одноклассника, выходящего из дорогой большой машины, и завидует ему. И очередная медуза устраивается у него на плече.

— Смотри внимательнее, — строго сказала фея. — А то, как обычно, не заметишь главного.

Она вновь взмахнула своей палочкой, и Петя увидел себя в школьной раздевалке. Но самым удивительным было то, что на этот раз он смог каким-то образом отчетливо различить чувства, его переполнявшие, когда он получил пинка от старшеклассника.

Это были сильные чувства ярости и унижения. Они были темного цвета. И сразу рядом с ним появилась еще одна медуза, размером больше предыдущей, которая сладостно поглощала то, что так переполняло Петю.

— Посмотри теперь вот это, — сказала фея и снова взмахнула своей маленькой палочкой.

Учительница выбирала в журнале, кого бы ей вызвать к доске, и Петя увидел себя, сидящим за партой. Голова его была втянута в плечи, его переполнял страх. Надо ли говорить, что рядом с собой он увидел присосавшуюся к себе отвратительную медузу.

— А теперь смотри, — и фея, как дирижер, делающий фортиссимо, поднесла к своей груди две руки с расставленными напряженными пальцами и с колоссальным напряжением начала продвигать их вверх.

Тут произошло совсем странное явление. Смущенному подростковому сознанию Пети вдруг открылись диковинные видения. Он словно парил над Землей, то слегка приближаясь, то удаляясь от нее. Перед его взором промелькнули

Елисейские поля Парижа, по которым он гулял прошлым летом с родителями, потом показался королевский дворец в Мадриде. Ускоряясь еще больше, он проскользнул над горячим африканским континентом и ощутил себя в объятиях знойной Латинской Америки, затем пролетел над Северной. Потом была далекая Австралия, пестрая Юго-Восточная Азия, бескрайние просторы России и пыльный Ближний Восток. Он заглядывал в армейские казармы и офисы банков. Он смотрел на моряков, бороздящих океаны, и летчиков в голубом небе. Он видел хижины и дворцы, богачей и нищих, побывал в больницах и школах. Повстречался с крестьянами и учеными, малярами и инженерами, художниками и коммерсантами. И везде его взору открывался безбрежный океан человеческих чувств: леденящий душу страх, лютая ненависть, подлая зависть,

изматывающая ревность и, наконец, всепоглощающая ярость. Независимо от цвета кожи они заполняли сердца людей, вызывая боль и страдание и порождая всплески насилия. И чем больше было боли и страданий, тем больше становилось на земле ненависти, зависти и страха. И повсюду висели медузы, которые с наслаждением поглощали весь этот поток темных человеческих чувств.

Петя начал понимать, что эти существа сообщали друг другу. А ведь у них не было рта, и они не разговаривали между собой! Медузы эти были разного размера. От совсем маленьких, с которыми Петя познакомился на уроке биологии, до громадных, достигающих размеров пятиэтажного дома. Эти большие медузы и правили бал. Иногда они боролись за источники потребляемой пищи. Они не могли удовлетвориться такой мелочью, как чувство страха

школьника, сидящего на уроке. Им требовалось гораздо больше. Убийства, разбои — это было уже кое-что поинтереснее. Но и этим они не могли насытиться. Война была для них настоящим пиром. Чувства боли и невосполнимых потерь громадных масс людей — только они могли насытить утробы самых крупных особей.

От Пети были сокрыты детали происходящего, но все же общая картина, как по волшебству, предстала напрямую перед его сознанием. Видимо, под воздействием волшебной палочки феи, он на какое-то время перестал нуждаться в глазах, чтобы видеть. Он осознал, что вся эта людская возня мирового масштаба, оказывается, находится под неустанным контролем других могущественных и совершенно недружественных людям существ, для которых вся-то человеческая жизнь есть лишь средство их про-

питания. Некоторые из них предпочитали людей черной масти, некоторые — белой, а кто-то имел слабость к желтым. Петя познал, что когда его «новым знакомым» не хватает пищи, они организуют массовые волнения и беспорядки, искусно играя на свойственных человеку чувствах национализма и тщеславия. Если им и этого недостает, то, опираясь на такие разные человеческие чувства как патриотизм и алчность, они поджигают фитиль больших и малых войн. И уж тут высвобождается столько пищи, что хоть отбавляй!

К его удивлению, Пете открылось, что и у них не все находится под полным контролем. Так, иногда люди в порывах неконтролируемой взаимной ненависти становятся на грань самоуничтожения, что, конечно же, создает угрозу исчезновения пропитания и, соответственно, смерти самих медуз. Но существа эти

старательно оберегают свою земную среду обитания, прикладывая все усилия к воспроизводству и своевременному пополнению человеческого рода.

Наконец, сцепленные руки феи, достигнув зенита над ее головой, распались в стороны и, описывая эллипсы, упали вниз. Видение тут же исчезло. Петя оторопело посмотрел по сторонам. Никаких желеобразных существ он более не наблюдал. Вокруг него сидели его одноклассники, обычные дети. Казанцева, как ни в чем не бывало, старательно отвечала урок. Учительница ее внимательно слушала. Все шло своим чередом. Получалось, что он успел облететь земной шар и прожил целую жизнь, а простой школьный урок так и не успел закончиться. Феерическое путешествие Пети по далеким странам и дальним морям фея смогла вместить в

несколько минут обычного времени! Подросток оторопело смотрел на прозрачную девочку с крылышками.

— Как правило, люди не в состоянии пережить подобное знание и сходят с ума. Такое уже бывало в моей практике. Но не волнуйся, я предприняла необходимые меры по защите коры твоего головного мозга. Завтра ты проснешься и будешь думать, что все это тебе просто приснилось, — улыбаясь, сообщила девочка с крылышками.

— А можно увидеть пищевую цепочку еще полнее? — прошептал Петя, — Ведь на этом она, наверное, тоже не кончается?

— Полнее я не вижу сама, мне этого не дано, — грустно призналась фея и стала растворяться в воздухе.

Видя такой поворот событий, Петя, забыв об осторожности, прокричал:

— Постой! Скажи, а что там были за

другие чувства, которых я видел? Их было тоже много. Они были светлые и не нравились этим желеобразным. Их не ели эти чудища.

— Вяземский, ты можешь не болтать во время урока? — спросила учительница, сдвинув брови. — Сколько это может продолжаться? Ты понимаешь, что ты каждый раз срываешь занятия? Вот что, без родителей на следующий урок не приходи.

Петя понурил голову, но все же услышал шепот феи:

— Это те чувства, которые дают надежду. Береги их.

Февраль 2009

Секреты красоты

На дворе стояло хмурое осеннее утро. Пенсионер Иван Степанович принял душ, побрился и почистил зубы. Так он делал каждое утро. Покончив с утренним туалетом, Иван Степанович позавтракал. Уже многие годы его завтрак неизменно состоял из яйца в всмятку, булочки с маслом и чашки кофе с молоком средних размеров. Сегодняшний день не явился исключением. Бывало, Иван Степанович любил почитать за завтраком газету. Это случалось с ним, когда он еще ходил на работу. Но те годы давно прошли. С недавнего времени газеты стали навевать на него непроходимую тоску. Тогда он перестал их читать. Газеты, как и многое другое

в его жизни, канули в прошлое. Но скука осталась. Даже стала еще сильнее. Она просто заполнила то время, которое раньше заполняли газеты, так же как до этого она заполнила время, которое когда-то занимала работа. А еще раньше скука заполнила место в его жизни, которое занимал хоккей, и которым врачи ввиду некоторых хронических заболеваний запретили заниматься Ивану Степановичу лет десять назад. Он жил один. Иногда его навещали дети. Но это обычно случалось не чаще одного раза в неделю.

Покончив с завтраком, Иван Степанович тяжело вздохнул и стал смотреть в окно на тяжелые тучи, застилающие небосвод. Хмурое небо было обычным явлением этого времени года. Иван Степанович, конечно же, знал об этом, но радости это ему не прибавляло. Посидев немного перед окном, он снял труб-

ку телефона, приложил ее к уху и начал набирать номер.

Кому звонил Иван Степанович, мы не знаем, но доподлинно известно, что после третьей набранной им цифры в трубке раздался глухой щелчок, и пенсионер услышал уверенный женский голос, ведущий бодрое повествование о последних событиях ее жизни. Иван Степанович всегда был противником подслушивания чужих разговоров — чего доброго узнаешь истинное мнение своих знакомых о себе самом! Короче говоря, оберегал себя Иван Степанович от возможных неприятных новостей. А что до чужих проблем, так он никогда не был до них большим охотником, ему всегда хватало своих. И вот Иван Степанович уже собрался повесить трубку, но вспомнил об обуревающей его скуке и решил послушать разговор еще немного.

....

— Ты, знаешь, Даш, как с этими мужиками себя вести, я поняла еще, когда мы в Израиле жили. Важно всегда в хорошей форме быть. Помнишь, на эту тему даже анекдот был. Две женщины жили. Одна — вся из себя, но хозяйка никудышная. Другая, наоборот, только целый день чистоту в доме наводила, а себя в порядок забывала привести. Муж первой после работы домой возвращается, а дома — кавардак, грязь. Ему противно стало, он и сплюнул на пол, все равно грязно, а хозяйку поцеловал, так она ему понравилась. Муж второй, когда домой пришел, сплунуть захотел, а вокруг все блестит, чистота — порядок, некуда плюнуть. Он на жену и плюнул, все равно она вся неприбранная была. Так вот, я себе, к примеру, одной из первых золотые нити вставила, — поучительно звучал уверенный женский голос.

— Куда? — спросил другой женский голос.

— В лицо, разумеется. Ты, Даш, как с луны свалилась.

— А это больно, Тань?

— Еще как. Представь себе, через все лицо тебе золотые нити тянут. Я к тому же моделью была.

— Какой еще моделью?

— Это когда на тебе все пробуют, то, что еще никому не делали.

— Это, наверное, опасно, если никому не пробовали?

— Зато бесплатно. Тебе-то на деньги плевать, муж твой тебя обеспечивает, а у меня столько денег нет. Слава богу, результат хороший оказался, я на рентгене свое лицо видела. Нити порвались, но тургор все равно уплотнился.

— Ну ты даешь, — мечтательно протянула Даша, — решительная. А что такое тургор?

— Ты, прям, как вчера родилась, Даш. Тургор это, как бы тебе объяснить.... Это насколько плотные у тебя щеки, подбородок, виски. То есть с возрастом они дряблые становятся, и это некрасиво. А ты это подправляешь. Приезжай, я теперь сама этой техникой овладела. Все тебе сделаю.

— Так это больно, наверное? — с сомнением спросила Даша.

— Потерпеть придется, конечно. Но в нашем возрасте без этого никак.

— А что, обязательно золотыми нитями? Есть ведь другие способы помолодеть?

— Ты как вчера родилась, Даш. Конечно, есть. Гиалуруоновую кислоту вколоть можно.

— А это больно? А ты себе делала? А как это делают?

— Господи, конечно же, делала. Штук пятьдесят уколов по всему лицу тебе вколю. Не бойся.

— Больно?

— Специальным кремом обезболивающим помажу, но чувствительность все равно останется, от этого никуда. А как же ты хотела? Зато лицо как яблочко наливное станет. Соглашайся, подруга, того стоит.

— А что ты себе еще делала?

— С лицом?

— Да.

— Подтяжку, разумеется, ну это ты знаешь как. Кожу с лица сдирают и подтягивают. За ушами скобы вставляют.

— Это я знаю, Тань. Пока не буду, страшно очень. А еще что есть, из того, что ты себе делала?

— Ну, еще из подбородка я себе жир откачивала. Тебе это, кстати, тоже не помешает.

— У меня же второго подбородка пока нет, — нотки обиды зазвучали в голосе Даши.

— Есть, есть. Присмотрись повнимательнее. Ты не обижайся, но после сорока он у всех, у кого больше, у кого меньше, но появляется. Его, Даш, откачивать нужно. Ладно, чего тут такого, ведь делала же ты татуаж губ у меня? Гель, в конце концов, в губы тоже вкачивала? Ничего, не умерла? Тебе еще повезло, у тебя тургор от природы хороший. Но его поддерживать все равно надо.

— Ой, не знаю. Все-таки страшновато. А еще, что ты себе еще делала?

— Живот отрезала года два назад. Но это я тебе, сама понимаешь, предложить не могу. Это на операцию на пару дней ложиться надо.

— Всего на пару дней?

— Там расценки, знаешь, какие? Сама через день на выписку попросишься.

— Как операция? Удачно прошла?

— Были некоторые осложнения. Швы разошлись. Ну, это, я сама виновата —

тяжести на третий день подняла. А так все в порядке.

— Как это швы разошлись? Это же больно, наверное? — спросила с тревогой Даша.

— Больно, конечно. Опять в клинику пришлось на несколько дней лечь. Что для красоты не сделаешь.

— А последствия?

— Признаться, шов неприятный остался, но это ничего, главное, что жир действительно ушел!

— Здорово! А еще что ты делала?

— С лицом?

— Да.

— Много чего, всего не перечислишь.

— Ну все-таки.

— Все это болезненно, Даш, если тебя это беспокоит, конечно.

— Все-таки, что ты еще делала, скажи?

— Веки себе подрезала.

На другом конце трубки повисло молчание. Было понятно, что Даша к таким жертвам была еще не готова.

— И главное, Даш, все, что я предлагаю другим, опробовано на мне самой. Гарантия качества, считай.

— И когда ты этому всему обучилась! Как ты умудрилась только? У тебя же высшее музыкальное образование! Ты, ведь, Гнесинку заканчивала...

— Жизнь заставила, Даш. Вспомни, когда я с первым мужем разводилась, он хотел меня как липку обобрать! Какой гад, скажи на милость. Мы ведь из Израиля почему так срочно вернулись? Еще несколько дней и его в тюрьму там бы посадили. Не мудрено — ты бы знала, сколько он там нахапал себе! Ох, и наворовал! Какой аферист оказался! Мы когда уезжали, бедными студентами, ведь, были. За душой ни гроша. Он тихий такой был, покладистый. Что ни по-

просишь, все сделает, умничка. И посуду помоешь, и постираешь, и ведро вынесешь. В магазин, само собой, сходит. Я на него нарадоваться не могла. А когда там он денег нахапал, то изменился очень. Лосниться стал весь от денег. Прямо распырять его стало от собственной важности. Что ни попросишь его сделать — то он делами своими занят, то он устал после работы. Ну, ничего, зато я себе там тоже кое в чем не отказывала.

— То есть? — спросила Даша.

— Я же тебе рассказывала. Было у меня там пару мужичков симпатичных на стороне, пока мой-то работал все. Один из них в джиме тренером работал. Накаченный такой. Я его тело до сих пор вспоминаю. Ну да бог с ним.

Рассказываю дальше. Из Израиля мы еле ноги унесли. А когда вернулись, решили разводиться.

— Почему?

— То ему не так стало, это не этак. Ничего по дому делать не хотел больше, представляешь себе? Чашку чая себе налить ему сложно стало! Не то, что уж в магазин или что по хозяйству сделать! Мусорное ведро не заставишь вынести! Да, прислуга появилась у нас, но никакая прислуга все не сделает. Гости приходят — сидит, не повернется. Я все подавай, значит. Не знаю, слушай, чего ему надо еще было, когда такая красавица рядом? Я же всегда за собой следила. Так и не женился с тех пор, между прочим. Больно себя родимого любит.

Ну, так вот, несмотря на все деньжищи свои, он хотел даже квартиру мою малогабаритную у меня оттяпать. Это ему, сама понимаешь, гаду такому, не удалось. Со мной такие штучки не проходят! Но во всем остальном — без гроша меня оставил, гад. Тут уж не до игры стало. Так что, где бы я сейчас была,

если бы по профилю в консерватории преподавала? Концы с концами — одна с ребенком на руках — как бы я сводила? А ты спрашиваешь. Это не то что тебя муж с институтской скамьи обеспечивает, а ты себе и в ус не дуешь.

— Почему? Я тоже работала, — сказала Даша.

— Когда это?

— Сразу после института.

— И сколько ж ты работала?

— Ну, года два - три.

— Да какая это работа? Так, ерунда. Нет, подруга, мне пришлось попотеть, получить другую квалификацию. Вначале в салоне красоты косметологом работать пришлось, опыта набираться. Потом, потихонечку, сама стала работать, клиентура начала появляться. А теперь у меня уже своя клиентура устоявшаяся есть. Наконец-то я ни от кого не завишу, как ты, например, от

своего мужа. Это все-таки очень важное чувство — независимость.

— А где ты их принимаешь?

— Кого? — не поняла Таня.

— Клиентов своих.

— А клиентов! Снимать помещение дорого очень, поэтому я ко всем домой сама езжу. За рулем целый день по городу мотаюсь. Бывает, что ко мне кто-нибудь и приедет, но это редкость. В Люберцы не всякий из города поедет. А клиентура, в основном, московская.

— Устаешь, наверное?

— Выматываюсь жутко.

— Как у тебя сейчас-то на личном фронте?

— Так-то желающих хватает...

— Откуда ты их берешь только? — с заметным интересом в голосе перебила ее Даша.

— Из Интернета, подруга. Откуда же еще? Хороших вот только мало по-

падаетя. Все больше альфонсы какие-то, либо алкоголики. Правда, бывает еще одна категория — женатые. Некоторые пытаются скрыть это, холостые они, мол, но я сразу таких раскалываю. Я сторонница серьезных отношений. А с женатого что взять? Толку никакого. Поматросит и бросит. В нашей стране, Дашь, неженатый мужик лет сорока-пятидесяти, и что б не пьяница — это поискать надо. А что б еще солидный, что б зарабатывал при этом — этого днем с огнем не сыщешь.

— А альфонсы, Тань, какие они теперь?

— Альфонсы, они и есть альфонсы. Ты за ним на своей машине заедь, его отвези, сама квартиру найди, что б его же ублажать там, а его потом обратно домой довези. И никаких тебе подарков к празднику, никакой помощи по хозяйству. Ну и что это, спрашивается, за мужики такие пошли?

— А как твой Гоша, вы с ним расписались, наконец? Сколько уж ты с ним вместе, года полтора-два будет?

— А что Гоша? Поначалу, казалось, неплохой, покладистый мужик был. По хозяйству все делал, тапочки мне подавал, ноги растирал, когда я усталая домой приходила. Толстоват, вот только был.

— Да уж, за сто килограммов он точно весит.

— Это еще ладно, можно пережить бы было. Но не зарабатывал ничего, ведь, совершенно.

— А чем он занимается?

— То аквариумы какие-то чистил, то еще какой-то мутью занят был, я даже не знаю точно. Денег от него никаких никогда дожидаться нельзя было — это понятно. Но были, были у него свои положительные стороны. Покладистый он мужик, конечно. Встаю, бывало, я ран-

ним зимним утром, спешу на работу, как обычно. На ходу чашку кофе выпью — он, конечно, уже приготовил. А я тороплюсь к клиентам, ты же знаешь, мне не до чего. На улицу выйду, а он, представляешь, мне, умничка такой, все как я люблю, машину от снега очистил и двигатель прогрел, в салоне тепло уже. Конечно, не сразу мне его так надрессировать удалось, но ничего, стал справляться в последнее время, стал. Я всегда сразу вижу, поддается мужчина дрессировке или нет. Если нет, то и говорить не о чем. Зачем зря время на него терять? Все равно путного ничего не выйдет. А у некоторых, хоть и не сразу все получается, как я люблю, но сразу чувствуешь: все задатки имеются. Тогда с таким и поработать можно.

— А что это ты, Тань, о нем в прошедшем времени все говоришь?

— А ты ничего не знаешь, что ли?

— Нет.

— Так он к своей маме неделю как переехал.

— Да ты что?! — тревожно переспросила Даша.

— Да и бог бы с ним. Все равно не зарабатывал ничего. Я ему устала на эту тему говорить уже. Сколько можно?

— Вы что — поссорились?

— Да нет, все как обычно было. Неделю назад, по-моему, может и больше, пошел на рыбалку, как бы. С друзьями. Так он всегда на рыбалку ходил. Вещи кое-какие свои теплые взял. А сам с рыбалки прямиком к своей маме шасть. Теперь сидит там и не звонит. Боятся меня, что ли? Ты разве не знала?

— Нет.

— Я же говорю, подруга, надо чаще встречаться...

— Ой, слушай, звонят в дверь, муж с работы на обед заехал. Я пошла на стол накрывать. Я тебе потом перезвоню, — быстро и весело попыталась закруглить разговор Даша.

— Ты, Дашь, живешь как в патриархате, — обиженно зазвучал голос Тани. — Нельзя же себя настолько не уважать! Пришел — так подождет. А еще лучше — сам на стол и накроет. Пуп земли какой нашелся? Ничего с ним не случится. Ты занята, с подружкой разговариваешь. Ты, в конце концов,...

Но на Дашу слова Тани определенно не произвели должного воздействия. Мягкий голосок ее вдруг приобрел твердые нотки:

— Пока, пока, подруга, — перебила она ее, — перезвоню тебе через час.

В трубке раздались короткие гудки. Видимо, Даша повесила трубку, не дожидаясь ответа Тани. Пенсио-

нер почему - то подумал: «своя рубаха ближе к телу», и стал снова смотреть в окно.

Май 2009

Через двадцать лет²

Перед его глазами расстилалась безбрежная синева моря. Где-то очень далеко угадывалась линия горизонта. Там эта синева плавно сливалась с голубизной безоблачного неба. И невозможно было толком разобрать, где закачивается море и где начинается небо.

— Так проходит жизнь, — подумал Кирюша Хитролюбов, — так и настоящее плавно перетекает в будущее: неспешно, ровно, радостно. Легкий бриз приятно охлаждал его сильное молодое тело.

² Данное произведение является чистым вымыслом, и любое возможное сходство его персонажей с реальными людьми является совпадением.

От палящих лучей полуденного солнца его закрывал свод балкона. Кирюша сидел в плетеном кресле и щурился, глядя вдаль. Его номер находился на десятом этаже современного здания правительственного дома отдыха. Кирюша был студентом последнего курса престижного института.

Ощущение свободы и радости переполняло его душу в то августовское утро. А вот события вчерашнего вечера он помнил смутно. Да и зачем забивать голову разной чепухой? Что прошло, то прошло. Надо жить настоящим. И Кирюша с восторгом, свойственным юности, продолжал смотреть на открывавшуюся перед ним безмятежную даль.

Внутри номера раздалось какое-то урчание. Это проснулся его друг, который попытался оторвать голову от подушки, но не смог. Другу показалось, что мозг его намертво прикручен стальными ни-

тями к кровати. И любое движение головой доставляло ему нестерпимую боль. Пил он крайне редко, а когда все-таки пробовал, то из этого получалось только одно расстройство. Его организм отказывался принимать алкоголь. Он закрыл глаза, полежал еще немного и пробормотал слабым голосом:

— Кирюша! Кирюша! Ты где?

Кирюше неохота было прерывать плавный ход своих приятных мыслей о будущем, о настоящем, о синеве моря и голубизне неба. И он не стал отзываться. Но его друг продолжал стонать:

— Кирюша! Ну где же ты? Где? Я знаю: ты здесь! Дай мне воды, а не то я сейчас блевану на пол.

Последний довод возымел воздействие. Кирюша нехотя поднялся из плетеного кресла и вошел внутрь номера. Повсюду были видны пустые бутылки и грязные стаканы. Пепельница была за-

полнена бычками, которые также валялись и в других, совершенно непредназначенных для них местах. Но Кирюшу вид неубранного номера только порадовал. «Бардак!» — одобрительно подумал он и весело сказал:

— Здорово вчера оттянулись. Да, Петрос?

— Дай воды, — жалобно проскулил в ответ Петрос.

Кирюша снисходительно посмотрел на своего товарища и протянул ему стакан живительной влаги.

«Навязался ты на мою голову. Не ковбой он, нет, не ковбой, — думал Кирюша о Пете. — Зачем я с ним вообще связался?»

Сам Кирюша никогда не испытывал не то что похмелья, но даже состояния дискомфорта после попойки. Сколько бы он ни выпил накануне, с утра он был бодр и весел.

Мог легко пойти играть в футбол или теннис, мог сесть учить иностранные языки.

«А этот выпил-то всего полбутылки водки, ну может, еще стакан портвейна саданул вдогонку, а потом весь вечер в туалете просидел в обнимку с унитазом. Приходилось по нужде к Сашке с третьего этажа всей компании бегать из-за него. Нет, не ковбой, не ковбой», — размышлял Кирюша.

— Который сейчас час? — нежно промурлыкал женский голосок из-под одеяла Кирюшиной кровати.

«Как же ее зовут, черт подери?» — подумал Кирюша и начал восстанавливать в своей недолгой памяти события вчерашнего дня.

Вот они с Петросом садятся в самолет. Вот прилетели в Сочинский аэропорт. Вот приехали в дом отдыха, бросили вещи в номере. Потом пошли в

бар. Поначалу они выпивали вдвоем. Потом подошли еще двое ребят, с которыми Кирюша где-то виделся до этого. То ли в институте, то ли на какой-то вечеринке в Москве. А может, еще в каком доме отдыха. Одна тусовка, что и говорить! Все свои. Потом они пошли искупаться. На море встретили каких-то девиц. Начали знакомиться. Кирюша к тому времени уже оделся после купания. Но надо же было произвести впечатление на барышень! И он с криком «уть-тю-тю» прыгнул в одежде с волнореза в море. В джинсах было плыть очень неудобно, но что делать — искусство требует жертв! Удадь его действительно произвела нужное впечатление на девиц, и вся компания отправилась с ним в номер. Там долго пили и пели, танцевали и кидали бычки с балкона — кто дальше. Несколько раз приходил администратор и требовал тишины. Ей обе-

щали, что да, вот уже сейчас все расходятся по своим номерам. И сами верили в это, но почему-то никак не могли разойтись. Потом были медленные танцы, и Кирюша танцевал с одной из новых знакомых. Он заливался соловьем, что-то остроумное нашептывал ей на ухо, а потом они оказались на его кровати. Остальные тоже потихоньку утомились и разошлись. Но как ее звали, он, хоть убей, не помнил.

— Сейчас начало первого, Аня, — неожиданно пришел на выручку Петрос, оживший после стакана воды.

— Черт, — воскликнул Кирюша, — я же, кажется, вчера на двенадцать договорился с чуваками в теннис играть!

Он быстро извлек из огромной сумки кроссовки, теннисную ракетку и мячи.

— А как же я? Ты меня так здесь и оставишь? — капризно протянула Аня из-под одеяла.

— Я мигом. Туда и обратно. Или нет, знаешь, лучше я к тебе, в твой номер сам зайду после обеда, — скороговоркой ответил Кирюша, облачаясь в спортивную форму.

— Ты же не знаешь, в каком номере я ... — начала, было, Аня, но за Кирюшей уже захлопнулась дверь.

Следующие вечера мало чем отличались один от другого. Бар, ночное купание в море, много вина и водки, потом коньяк, танцы в их номере, протесты трезвого Петроса, который больше не пил, требования администрации прекратить бардак. На четвертый день молодых людей из дома отдыха выгнали. Мало того, обещали написать Кирюшину отцу на работу о недостойном поведении отпрыска. Кирюша долго уговаривал директора дома отдыха хотя бы не беспокоить отца, и, в конце концов, тот согласился, но при условии, что хули-

ганы сиюминутно покинут территорию
вверенного ему общественного заведе-
ния.

— Что будем делать? — задался во-
просом Кирюша, когда массивные воро-
та проходной локального рая захлопну-
лись за их спинами.

— Я тебе говорил, что не надо бардак
у нас в номере устраивать, — яростно за-
шипел Петрос в ответ.

— Дай лучше сигарету, — безмятеж-
но ответил Кирюша.

— Я не курю. Ты не знаешь, что ли?

— Ну да, я и забыл: ты не пьешь, не
куришь и с девочками не спишь. И за-
чем я только с тобой связался?

— Это я зачем с тобой связался? Я
тебе говорил, предупреждал тебя! А ты
только бормотал: «Спокойно, Дункель,
я на разливе сегодня!» — и все разливал
и разливал. Кто ни придет к нам в но-

мер — ты всем наливал. Весь дом отды-
ха spoiled.

— Ммм, — нечленораздельно промыш-
чал Кирюша, думая о чем-то своем.

— И знаешь, я заметил, что ты всег-
да так делаешь. А думаешь, кто-нибудь
из твоих дружков вспомнит теперь твою
доброту? Как бы не так! Где они теперь,
твои вчерашние собутыльники, которых
ты поил и кормил, скажи на милость?
Никого из них, между прочим, из дома
отдыха почему-то не выставили. Только
нас! А помнишь, как ты по карнизу в со-
седний номер десятого этажа перелез?
Зачем ты это делал, спрашивается? На
очередную телку произвести впечатле-
ние хотел?

— А карниз-то тут при чем? Что тебе
надо-то от меня? Отстань, — и Кирюша
отмахнулся от него, как от назойливой
мухи.

— Отстань, — передразнил его возму-

щенный Петрос. — Я просто хочу знать, сколько можно дебоширить?

— Сколько нужно.

— У тебя деньги остались, кстати?

Кирюша полез в задний карман джинсов, потом — в передний, потом — опять в задний. Наконец он извлек скомканную пятирублевую купюру и монету в двадцать копеек номиналом. На какой-то миг на лице его отразилось даже некое подобие заботы. Или это просто показалось Петросу?

— Не густо же у нас денег осталось, — прокомментировал его находку Петрос.

— А у тебя что: денег нет совсем?

— Ты же все мои деньги вчера в баре спустил! Не помнишь ничего, что ли? Ты же, как обычно, за всю компанию заплатить решил! А у тебя денег при этом не оказалось! Я тебе говорил, ох, я тебя предупреждал, что за тебя платить потом никто не будет! Но ты чуть не с но-

жом к горлу пристал. Дай тебе денег и все. Все на Галю впечатление произвести хотел! Галю ему подавай! Ани ему мало, значит, показалось.

— А Галя действительно «будь здоров» девица будет! — мечтательно пробормотал Кирюша, глядя куда-то в небо. Он вспомнил, как вчера, сбежав из бара, они целовались на пляже, под яркими южными звездами. Расчетливому Петросу этого все равно не понять. Не ковбой он. Объяснять ему, зачем люди ходят по карнизу десятого этажа, как и все остальное, — все равно, что бисер перед свиньей метать.

— Надо будет ей в Москве позвонить. Я у нее телефончик-то стрельнул, — и Кирюша хитро прищурился.

— В Москву надо еще как-то попасть, не забывай.

— Попадем. Есть ведь билеты у нас обратные.

— Да, через три недели.

— Знамо дело, через три недели.

— А лететь-то сегодня надо. Ты что ж думаешь, тебе билеты вот так взяли и обменяли? Да их в кассе не бывает в сезон никогда. Родителям звонить надо. Сами вопрос не решим.

— Куда звонить, зачем звонить? Спятил ты, что ли? Хочешь, чтобы мой отец про все узнал? Через три недели и полетим, — отрезал Кирюша.

— А жить где будем?

— Где, где. В частном секторе, вот где.

— Что??? Лачугу снимать? Без ванны, с туалетом на улице! Это без меня! Я в Москву хочу, — завопил рафинированный Петрос.

— Я тебе дам в Москву! Отец меня убьет за это. Здесь проживем, и нормально будет.

— А на что мы проживем? — протестовал Петрос.

— Увидим, пока же есть пять рублей. Поехали, вон автобус идет. До ближайшего поселка доедем, там снимем что-нибудь. Ночь перекантуемся как-нибудь. А там видно будет.

Ночь им пришлось провести на пляже. Благо, что духота не спадала даже после захода солнца. Все утро они искали комнату внаем в частном секторе. После трехчасовых безуспешных скитаний они подошли к обшарпанному домику недалеко от моря. На их стук в дверь вышла старушка и, сразу же поняв в чем дело, сказала:

— Проходите милки, проходите. У меня уже есть один постоялец. Но еще одна комната осталась. Вот сюда, милки, сюда. Всего-то у меня три комнаты будет. В одной я, в другой постоялец, а третью, уж так и быть, вам, милки мои, отдам.

Убранство домика неприятно контра-

стировало с хоромами правительственного дома отдыха, как, впрочем, и все остальные места, которые друзья безуспешно пытались снять все утро.

— А туалет где у Вас? — поинтересовался Петрос.

— Вона туалет где, — и старушка показала через малюсенькое окно куда-то на улицу. — И рукомойник, милки мои, тама будеть. Все есть, милки. Все.

Петрос театрально закатил глаза в потолок и снова зашипел:

— Я без туалета и ванны не могу.

— Молчи, идиот. Сможешь, никуда не денешься. А то опять на пляже ночевать придется. Ванну ему захотелось! — зашептал Кирюша.

— У меня здесь тихо-тихо. Покойно вам будеть. Но только, милки мои, деньги я всегда за два дня вперед беру, — журчала старушка.

— А сколько ж денег-то?

— Два рубля в сутки, милки мои, только для вас. И живите себе, сколько душе угодно.

Кирюша протянул ей пятерку.

— Ой, милки мои, а сдачи у меня, ведь, нету, — заохала старушка. — Ну ничего. Вы на сколько снимете?

— На три недели.

— Значит, за два с половиной дня вперед заплатили, — сказала старушка и ушла к себе в комнату. Кирюша бросил сумку на пол и улегся на кровать. Петрос аккуратно разместил свой чемодан на стуле и стал нервно расхаживать по комнате.

— Ну и как дальше? — поинтересовался Петрос с недовольной миной через минуту молчания.

— Как, как. Кверху каком, — Кирюша хотел было еще что-то добавить, но был прерван каким-то шумом, как будто кто-то большой запнулся и упал на

крыльцо. Затем последовала басовитая матерщина. В следующее мгновение через коридор в комнату хозяйки проплыла огромная фигура, а потом послышался голос старушки:

— Опять нажралси! И чтой-то мне с тобою делать, сынок ты мой?

Вместо ответа раздался звук падающего тяжелого предмета: видимо, дети на рухнул на кровать и захрапел. Друзья уставились друг на друга.

— Этого нам еще не хватало! — побледнел благоразумный Петрос. — Сейчас же переезжаем в другое место!

— Разбежался! Так она тебе деньги и отдала! Пошли лучше на море. Там видно будет.

Из затхлого помещения они вышли в палисадник, и тут их ждала еще одна неожиданность. Открылась калитка, и им навстречу направился молодой парень.

Он был по пояс обнажен, через плечо у него было переброшено полотенце.

— Кого я вижу! — радостно закричал он. — Какие люди! Без охраны!

— Здравóво, Егор, ты здесь какими судьбами? — обрадовано приветствовал друга Кирюша, растопырявая руки для объятий.

— Снимаю здесь комнату уже как две недели. Я здесь каждый год. Хорошее место. А вот ты-то здесь что делаешь? Тебе это не по чину будет.

— Тоже теперь снимаю. Похоже, мы соседи, — радостно захохотал Кирюша.

— Не могу поверить: ты, и вдруг... Это как же нашего баловня судьбы сюда занесло? И что-то не видно черной волги с водителем.

— Я тоже в это до сих пор не могу поверить, — вмешался в разговор Петрос. — А если одним словом, то выставили нас из приличного места из-за художеств

вот этого типа, — и он ткнул пальцем в Кирюшу. — Теперь в этой халупе жить собираемся — только не понятно пока на какие шиши. У нас только двадцать копеек осталось.

— Ничего, в крайнем случае, ко мне в комнату переедете, — сказал Егор, — а вообще здóрово, что мы встретились. Я сейчас за вином сгоняю.

— Хорошая идея, а мы пока в море окунемся, — покровительственно сказал Кирюша. — Душа-то здесь нет.

Через час друзья уже сидели за столом около их временного жилища. На их головы свисали виноградные гроздья. Они пили молодое вино и радовались жизни.

— Что ж ты к нам в гости не зашел, раз здесь уже давно торчишь? Я же тебе говорил название дома отдыха месяц назад, — спросил Кирюша у Егора.

— Доберешься до тебя! Кто же меня

туда пустит. Я сунулся было, а меня на проходной взащей.

— Знамо дело: «стерегут слуг народа», — махнул рукой Кирюша. — Ну да ладно. У тебя деньги есть?

— Ну так, немного, — замялся Егор.

— Сколько?

— Рублей тридцать будет, — неразборчиво пробурчал Егор, которому не хотелось говорить, сколько у него денег.

— Сколько-сколько? А ты на сколько сюда приехал? — спросил Кирюша, привыкший к другим расходам. Они с Петросом только за три дня умудрились спустить около ста рублей.

— На месяц.

— То есть тебе еще две недели осталось? И как же ты собирался их прожить, если старуха по два рубля в день берет? А надо же еще есть и пить!

— Я рубль в день плачу, а вы что: два, что ли?

— Что ли, — и Петрос с Кирюшей кивнули головами.

— Ну, у богатых свои привычки.

— Денег у нас в обрез, то есть, у нас с Петросом они закончились, — резюмировал Кирюша, а твоих надолго не хватит. Что делать будем?

Все задумались. Потом Кирюша сказал:

— Есть идея!

Остальные перевели на него взгляд.

— Преф! — сказал Кирюша и торжественно поднял вверх свой короткий указательный палец. Пошли на пляж.

— Какой еще преф? — недоумевал Егор.

— Преферанс — игра такая в карты.

— А если тебя обуют? — тревожно спросил опасливый Петрос.

— Не бойсь, не обуют, — уточнил Кирюша.

— Я играть не буду. За это можно и

по морде получить, — протестовал Петрос.

— Будешь, будешь, — не оборачиваясь, говорил Кирюша, — есть-пить захочешь — будешь.

Первый день игры оказался удачным. Вначале Петрос немного проигрывал, но за счет выигрыша Кирюши они в сумме получили порядка семи рублей. Вечером они пошли в бар, а потом на дискотеку. В результате пропили больше, чем заработали. На следующий день пришлось опять играть в преферанс на пляже. Фортуна вновь им улыбнулась. Они выиграли десять рублей, и снова со вкусом провели время. На третий день все было приблизительно также, а вот на четвертый день им попались какие-то, на первый взгляд, чудаковатые ребята. Один был большой и толстый, другой — маленький и косоглазый. Вместе они пред-

ставляли еще более нелепое зрелище, чем по отдельности. Ничто, казалось, не предвещало неприятностей. Однако же в тот день нашим друзьям не повезло. Они спустили пять рублей. На следующий день они опять с ними встретились. Кирюша решил играть один, без Петроса, который играл значительно хуже его, а Егор, как обычно, просто сидел рядом. При этом Кирюша решил играть очень осторожно. Но, несмотря на это, он все равно остался в небольшом минусе. Его это не на шутку задело.

— Не идет карта, и все тут! — кипятился Кирюша, — давайте еще одну пулю распишем, — потребовал он у толстяка и косоглазого. Те нерешительно пожали плечами и, переглянувшись, согласились. Впоследствии друзья припоминали, что толстяк и косоглазый сами никогда не предлагали им играть, но

всегда соглашались с предложением Кирюши продолжить игру.

— Не идет карта, и все! — негодовал Кирюша, глядя на то, как Толстяк и Косоглазый набирают очки в пулю. — Надо ломать фишку, надо ломать!

— То есть? — спросил Петрос.

Непонимающий игры Егор молча наблюдал за игрой друга.

«Даже не понимает, что такое фишку ломать! И зачем я его с собой взял?!» — в очередной раз подумал Кирюша, а потом все же пояснил:

— Рисковать! Рисковать это значит.

С этого момента Кирюша стал резко набирать в гору, а в пуле у него так ничего и не появилось. Его закрыл Толстяк. Итогом было минус десять рублей.

— Надо ломать фишку! — снова завопил Кирюша и, несмотря на протесты осторожного Петроса, потребовал сыграть еще одну пулю. Потом еще одну.

Ближе к ночи Егор вытащил из кармана последние деньги со словами:

— Это все.

Игра была закончена.

— Ты что, не понял, что ли? — шипел в свойственной ему манере Петрос по дороге в их лачугу, — это же каталы! Ты что, не видел? Они одну пулю — чуть-чуть, другую — много, но всегда выигрывают! Когда ты играешь, то расклад всегда такой оказывается, что тебя ловят. Четыре-ноль у вистующих три раза подряд, это как: само собой так получается? А когда они игру заказывают, то им почему-то всегда везет. Хуже того, тебе не везет, когда ты вистуешь, опять такой расклад почему-то, что тебе в гору даже на вистах записывают! Не заметил, что ли?

— Какие еще каталы? Сам ты ката-ла! — недовольно бубнил в ответ Кирю-

ша. — Хотя может ты и прав, — успокоился он. — Ладно, сколько у нас денег осталось?

— Рубль, — ответил Егор, входя в лачугу.

— Что мы теперь делать будем? — в негодовании вопил Петрос.

Егор в ожидании воззрился на Кирюшу.

— Да, денег не густо, — и Кирюша потер указательным пальцем свой длинный нос. — Ну да ничего, посмотрим, что продать можно, — он полез в свою огромную сумку, и через минуту извлек том Сэлинджера «Над пропастью во ржи» английского издания.

— Вот это пойдет, — сказал он деловито, — завтра с утра в букинист пойдём.

— Ух ты! И не жалко тебе такую книгу сдавать? — спросил бережливый

Егор при виде книги, которую он недавно с интересом читал в переводе.

— Ему не впервой, — захохотал Петрос, радуясь, что деньги найдены.

— Он в Москве постоянно родительские книжные шкафы облегчает.

— Если бы я этого не делал, то их просто некуда было бы девать. Отец каждую неделю все новые и новые книги из «книжной экспедиции» тащит...

— А что это такое: «книжная экспедиция»? — спросил далекий от элитной жизни Егор.

— Так, еще один вид правительственного спецраспределителя: книги распределяет среди слуг народа. А я думаю так: прочитал — дай другим. Вот мой лозунг.

На следующий день «Над пропастью во ржи» ушла за десять рублей. Друзья даже не успели дойти до прилавка оценщика, как к ним подошел какой-то по-

трепанного вида книголюб и суетливо тихим шепотком поинтересовался, что у них имеется на продажу. Кирюша оттопырил майку и показал уголок книги. Книголюб тут же пришел в состояние тихого возбуждения. Быстро стоворились о цене.

— Хорошо, что у нас такая читающая публика, — пропел Кирюша, выходя из магазина, отяжеленный червонцем. — Сэлинджер — еще понятно: мировая величина, но вы бы видели, какую откровенную дрянь я в Москве сдаю, и тоже ведь находит своего потребителя. Вот что интересно! Подходят такие же суетливые потрепанные книголюбы и смегают все подряд.

— А чем людям в нашей стране развитого социализма еще заняться? — заговорил Егор. — Какие у них есть пути самореализации? Никаких. С самого детства все расписано. Выше крыши не

прыгнешь. Если блата нет, то законным путем денег много не заработаешь, как ни старайся. Путешествовать нельзя — за границу все равно никого не выпускают. Да и не на что, даже если выпустят кого. По стране путешествовать — это для тех, кто в палатке жить любит. Гостиниц все равно нет...

— Палатки приличному человеку ни к чему, — неожиданно вставил о наболевшем рафинированный Петрос, — итак в лачуге который день кантуемся.

— А с другой стороны, прожиточный минимум каждому все равно обеспечен, — продолжал свои рассуждения Егор. — Для этого надо просто на работу приходиться — не работать, нет. Спать там, чаи гонять, но приходиться. А тебе за это на хлеб, пусть и без масла, но всегда заплатят. А на работе такой люди маются от безделья. Вот они

и читают, что ни попадя, надо же время чем-то занять...

— Кирюша! Ты? — какой-то модно одетый парень в темных очках улыбался, глядя на него.

— Андрюха! Здорово! Какими судьбами?

— Да вот решил прокатиться на юг на новом автомобиле Сереге. Вон он за рулем сидит, — и он указал на стоявшую невдалеке белую «Волгу», на заднем сиденье, которой сидели две симпатичные блондинки. — Помнишь его? С параллельного потока. А ты, как я погляжу, и здесь операцию «букинист» проворачиваешь?

— Я себе не изменяю...

— Мне на почту надо заскочить — телеграмму матери отправить, — встрял в разговор Егор, — я быстро: туда и обратно. Пять минут. Подождете меня здесь?

Кирюша кивнул в ответ. Егор быстрым шагом удалился.

— Слушай, ты же в «Ай Даниле» должен быть? — поинтересовался Андрей.

— Ну, это долгая история..., — Кирюше не хотелось рассказывать Андрею о своих злоключениях.

— Слушай, — перебил его Андрей, — а давай с нами? Мы сейчас к Эркену на дачу в горы махнем. Там все наши будут. Телки, вино...

— А в машину поместимся?

— Шесть человек? — Андрей пересчитал присутствующих и сидящих в машине, — на пределе, но можно. Поместимся!

— А что? А давай! — заодно сказал Кирюша.

— Егора ждать не будем, что ли? — поинтересовался Петрос.

— Всемером все равно в машину не по-

местимся, — сказал Андрей. — Может, мы за ним потом приедем?

В этот момент раздался гудок автомобиля. Им нетерпеливо сигналил хозяин машины.

— Пошли, пошли скорее, — сказал Андрей, увлекая Кирюшу за плечи. — Надо будет только вина еще и шашлыков купить. У вас деньги есть, кстати?

— Конечно, — ответил Кирюша, втискиваясь в компанию двух блондинок на заднее сиденье машины.

Через час они подъехали к большому дому с колоннами в греческом стиле. Там друзья быстро влились в шумную компанию, в которой весело провели время. Но на исходе третьего дня на даче неожиданно появились родители хозяина, и всей компании пришлось ретироваться. Каждый поехал по своим делам.

— За Егором так и забыли заехать, —

когда они уже тряслись в автобусе с Кирюшей, сказал Петрос.

— Неудобно, конечно. Ну, да ладно, — ответил Кирюша.

— Если бы со мной так поступили..., — начал было Петрос.

— Ну, пошел тоску нагонять. Забыли, ну что ж теперь, всякое бывает, — перебил его Кирюша. — К тому же, в машину он все равно не помещался. Кому-то все равно надо было остаться. А ехать назад Сергей отказался.

— Ты у него спрашивал?

— Спрашивал, спрашивал, — не очень убедительно пробормотал Кирюша. — Короче, отряд не заметил потери бойца.

Вскоре они достигли своей халупы.

— Здравсьте, милки, — встретила их хозяйка, — явились, значит. А вещички-то ваши все в целности и сохранности. У Егора они, дружка вашего, теперячи.

— Как это у Егора? Почему?

— Так у меня ж новые постояльцы завелися. Катю и Светою зовут. Вы ж мне не заплатили, милки. А вещички ваши в целности и сохранности у Егора. Скоро придет он — подождете покамест тута.

Комната Егора была заперта. Через час он появился в компании двух девушек, по всей видимости, их новых соседак. Увидев сидящих на крыльце Кирюшу и Петроса, он прокричал:

— Кого я вижу! Возвращение блудных сыновей!

Егор не выглядел обиженным или же хорошо скрывал свои чувства. Молодые люди быстро познакомились. Их новые соседки оказались общительными и компанейскими девушками из Ленинграда. А Катя была еще и очень привлекательна. Егор от нее просто не отходил. Что бы она ни пожелала, он был тут как тут, радостно исполняя любой ее каприз. Быстрее всех наполнял ее бокал. Стои-

ло ей взять сигарету, он уже подносил ей спичку. Становилось ли ей жарко, Егор брал неизвестно откуда взявшийся в доме хозяйки старый веер и обмахивал им Катю. Он также всячески демонстрировал свои права на девушку. Подавал ей руку, если она вставала, в шутку обнимал ее, когда появлялась хоть малейшая возможность. Сидел рядом с ней за столом. И вообще не отходил от нее ни на шаг.

Кирюше она тоже понравилась, и он включился в борьбу. Но поначалу Катя оставалась совершенно безразличной к его знакам внимания, тем более, что с Егором она познакомилась раньше на целых полтора дня. Кирюша не отступал. Такое в его практике частенько случалось. Он помог девушкам переместить тяжелый чемодан, лично почистил картошку для супа, а потом сгонял в магазин и купил бутылку ликера для Кати,

памятуя, что она говорила о том, что любит ликеры. Но на девушку это не оказало заметного воздействия. Ей, похоже, доставляло удовольствие наблюдать за соперниками, не отдавая явного предпочтения никому из них.

На следующий день на пляже Кирюша торжественно провозгласил:

— Ужинать все идем в ресторан!

— А на какие шиши? — приземлено поинтересовался Егор. — Денег в обрез.

— Деньги — это ерунда! Главное дружба, — важно сказал Кирюша.

— Откуда ты их возьмешь, интересно только?

Катя зевнула и с выражением скуки отвернулась.

— Говорю же — есть деньги, — при этих своих словах Кирюша поймал на себе заинтересованный взгляд Кати.

— Ну и откуда мы возьмем деньги? —

спросил Егор, когда друзья пришли в свою комнату после купания.

Кирюша открыл свою огромную сумку и, немного порывшись там, извлек модную ветровку японского производства. Потом покопался еще и достал небольшой магнитофон «Филипс». Ничего подобного в советских магазинах никогда не продавалось. Но люди стремились заполучить такие вещи. А у Кирюши всегда этого добра полным-полно было. Отец постоянно ездил в командировки по Европе и привозил все новые и новые вещи. После недолгих раздумий Кирюша выбрал ветровку. Магнитофон должен был им еще послужить. Что может быть лучше танцев под южным ночным небом, когда тебе двадцать лет?

— Я думаю ветровку за стольник, не меньше, толкнем, — сказал он.

Кирюша никогда не был «рабом вещей». С ними он всегда расставался лег-

ко и непринужденно. Так же легко он относился к деньгам. Если у других их не оказывалось, что случалось нередко, то он, не раздумывая, платил за всю компанию. Кирюша, вообще, ни за что особенно в жизни не держался, ничем и, пожалуй, никем сильно не дорожил.

Вечером вся компания действительно отправилась в ресторан. Там они много пили, шутили, смеялись. Были медленные танцы. Катя была нарасхват. Во время одного из медленных танцев Кирюша рассказывал Кате о постигших его злоключениях.

— ...Короче говоря, я говорю директору «Ай Даниля»...

— Подожди, подожди, — с интересом в голосе перебила его Катя, — это правительственного пансионата? Вы там жили, что ли?

— Ну да, конечно, я там каждое лето, — небрежно пояснил Кирю-

ша. — Так вот, я говорю ему: «Признаем свои ошибки, так, мол, и так: дебоширили и готовы понести наказание, то есть покинуть вверенное Вам заведение. Но прошу: не беспокойте отца, не сообщайте ему на работу — ему это, помимо всего прочего, может не понравиться. Вам же хуже потом придется...»

— А кто такой твой отец? — перебила его Катя.

— Ну, мой отец, — и Кирюша перечислил все большие должности славного трудового пути его отца. — Строгий мужик, кстати. Может и шашкой рубануть. Вон Егор так его просто боится.

— А с чего это Егору его бояться?

— Ну он же у нас дома постоянно торчит. А отец, когда с работы усталый приходит, этого не любит. Да и вообще они с матерью почему-то ре-

шили, что Егор меня спаивает. Я им пытаюсь, конечно, объяснить, что это не так, но все бесполезно. Как вобьют себе в голову старики что-нибудь, назад не выбьешь. А недавно, после того, как у меня во время вечеринки люстру ребята разбили, отец заявил, что не будет Егору помогать на работу устраиваться и все. Он думает, что это Егор разбил...

— А кто же все-таки разбил люстру? — серьезно спросила Катя.

— А? Люстру? Черт его знает. Может, Егор и разбил, а может еще кто-нибудь. Стоит ли такую ерунду помнить?

Надо заметить, что в действительности Егор никогда не просил у отца Кирюши устроить его на работу. И дома у него он вовсе постоянно не торчал, хотя и любил зайти к нему в гости. Просто Кирюше иногда нравилось немного приукрасить скучную действительность —

был за ним такой грешок. А может быть, он просто перепутал Егора с кем-то из других своих знакомых, которые на самом деле частенько сидели у него, опорожня его набитый деликатесами холодильник, потребляя кем-то заботливо обновляемые ящики вина и коньяка? Вполне возможно, что кто-то из его друзей и просил Кирюшиного отца устроить его на работу. Ну, ошибся Кирюша, ну перепутал спьяну одного с другим. С кем, скажите, не бывает? Но остаток вечера Катя танцевала только с ним.

Компания веселилась в ресторане до самого его закрытия, а когда пошли назад, хлынул теплый ливень, который и продолжался-то всего минут пять, но успел оставить после себя лужи. Девушки стали через них перепрыгивать, а Кирюша галантно предложил Кате нести ее на руках, дабы та не промочила ноги. И Катя уже не возражала. И он нес ее до самого

дома. После этого Кирюша все ночи до самого отлета проводил в кровати Кати.

Через несколько дней у друзей снова закончились деньги, тогда в ход пошел магнитофон. Когда они вечером снова собрались в ресторан, экономный Егор спросил у Кирюши:

— Может быть, стоит сегодня не ходить в ресторан? Там же жуткие цены. Все это можно купить на рынке и приготовить дома. Дешевле будет раза в три-четыре.

Но Кирюша только махнул рукой. А Катя одарила его любящим взглядом. Ей хотелось пойти в ресторан и совершенно не хотелось стоять у грязной плиты и заниматься готовкой.

— Что мы будем делать, когда закончатся деньги за магнитофон? Нам еще неделю протянуть до отлета на что-то надо, — настаивал Егор.

— Что будем делать, что будем де-

лать? Там видно будет, — беззаботно ответил Кирюша.

Как и многие действительно счастливые люди, Кирюша жил настоящим. Разум его не был отягощен думами о дне грядущем. И было от чего. Перед ним никогда не вставал вопрос, что с ним будет дальше, какие действия для этого он должен предпринять. На то были родители. Его отец многие годы занимал видные посты в партии и правительстве. С детства Кирюша твердо знал, что обязательно поступит в какой-нибудь престижный институт. Учась в институте, он всегда знал, что будет работать в привилегированном месте. Другие для этого вынуждены были лезть из кожи вон, становиться комсомольскими вожаками, кандидатами в члены компартии, устанавливать нужные контакты с нужными людьми, переступая через свою гордость, прогибаться перед «стар-

шими товарищами». В потугах достичь успеха окружающие его люди должны были расталкивать друг друга локтями, частенько совершая нелицеприятные поступки. Кирюше все это было ни к чему. Сама категория долженствования была ему незнакома. Все в его жизни решалось само собой. Все двери были для него открыты. Его ожидало блестящее будущее. И Кирюша был счастлив и беззаботен.

Эти жизненные обстоятельства, недостижимые для многих других, но воспринимаемые им самим как неизменная данность, создавали ореол привлекательности вокруг Кирюши. У него всегда было много друзей. Он многое мог им дать, и потому был нужен им. Некоторые при этом открыто завидовали ему. Одним словом, Кирюша был востребован, что немаловажно в жизни человека.

Кирюша с Егором были знакомы не более года. Егор очень дорожил своим новым другом, и готов был многое ему прощать. Он был очень шустрым молодым человеком и быстро влился в новую компанию.

Детство и юность Егора, однако, проходили в совершенно других условиях. Отец Егора давно отправился в мир иной, и они остались жить с матерью в небольшой квартирке напротив парка, где молодой Егор бегал по утрам трусцой, а летом упорно учился играть в теннис. Денег на этот благородный вид спорта, как и на все остальное в его жизни, ему не доставало. Расходы на ракетки и мячи, не говоря уже о теннисной форме и стоимости самого корта, были для него непосильной ношей. С деньгами у Егора всегда было напряженно. Да и от-

куда, спрашивается, им было взяться? Но Егор никогда не унывал. Мячи и ракетку можно было позаимствовать у богатого друга Кирюши. За корт платить и вовсе было не обязательно: достаточно было перелезть через ограду — Егор никогда не отличался особенной щепетильностью. А форма? Что форма — большинство тогда играло, в чем придется.

Егор, как и Кирюша, был среднего роста, хорошо сложен. Поддержанию своей физической формы Егор всегда уделял большое внимание, а также не пропускал возможности получить естественный загар на пляжах Серебряного Бора, куда регулярно ездил на троллейбусе в летнее время.

В отличие от Кирюши, Егор завидным женихом никогда не был. Он не владел иностранными языками. Да и на что они ему были нужны? Шансов

протолкнуться для поездки за границу у него не было, а читать он мог и на русском. Стоит ли упоминать, что учился Егор в богом забытом техническом институте, а жизненные перспективы его представлялись туманными.

Так как не оказалось никого, кто бы мог замолвить за него словечко в нужном месте, Егор после окончания института отправился напрямик на завод «Красный пролетарий», где и начал свою трудовую деятельность в качестве младшего инженера.

Кирюша тем временем отправился в Сингапур по линии Министерства Иностранных Дел, куда его благополучно распределили сразу после института. Это была не первая его поездка. Еще студентом, он ездил на этот сказочный остров — символ высоких технологий — на стажировку. Такой карьер-

ный рост был немногим доступен. В результате Кирюша настолько расслабился и поверил в свою неуязвимость, что стал откровенно пренебрегать всеми нормами посольской жизни. Говорили, что он пьянствовал и дебоширил и, что однажды, заснув в нетрезвом виде в вагоне монорельса в парке «Синтоза», даже попал в полицейский участок. Говорили, что Кирюша нашел себе красавицу-китайку и чуть ли не открыто жил с ней, за что любого другого советского человека выслали бы из страны в двадцать четыре часа. Многие говорили о нем в то время. А ему было все нипочем. Однако же, в конечном итоге, несмотря на все старания отца, который к тому времени изрядно утратил свое могущество, Кирюше в один из его приездов в отпуск в Москву вначале без лишнего шума не продлили команди-

ровку, а потом и вовсе вытолкнули из МИДа.

Совсем незадолго до этих неприятных для него событий, во время своего приезда из Сингапура в командировку в Москву, Кирюша познакомился со своей будущей женой. Вышло это случайно.

У Кирюши по обыкновению собралась большая компания. Предки его — так он именовал родителей — были в отъезде, и потому квартира в очередной раз находилась в его полном распоряжении. Неуемное веселье продолжалось несколько дней. Под вечер третьего дня, в воскресенье, на его большой кухне оставались только самые стойкие бойцы — а это был сам Кирюша, его очередная пассия Ира, которая терпеливо дожидалась его приезда из Сингапура и, похоже, имела самые серьезные виды

на Кирюшу, Егор, его девушка Света и бывший сокурсник Кирюши Игорь. Они сидели на кухне и заканчивали бутылку португальского портвейна, закусывая сочным окороком. В этот момент раздался телефонный звонок. Кирюша снял трубку.

— Кирюха, ты дома? — звонил один из его школьных друзей.

— Дома, дома, — отвечал не совсем трезвый Кирюша.

— Отлично, — почему-то облегченно выдохнул его друг. — Тогда я сейчас к тебе загляну.

— Давай, Леха, заходи, выпивки навалом.

— У меня, кстати, для тебя сюрприз один есть.

— Давай, заодно и посмотрим.

— Лелик, — сказал Кирюша, повесив трубку и глядя на остальных. — Сейчас придет.

— Какой еще Лелик? — спросил Игорь.

— Сейчас увидишь. Ты только его так не называй — он этого не любит, в драку полезть может, особенно, когда нетрезвый, — предупредил Кирюша, — а в остальном — ничего чувак, тоже ковбой в общем.

— Хорошо, — безразлично ответил Игорь.

Через пять минут раздался звонок в дверь. Квартира была спланирована таким образом, что из кухни через коридор была видна входная дверь. Кирюша прокричал:

— Не заперто!

На пороге появился длинный парень, на руке у которого болталась миниатюрная и очень симпатичная брюнетка.

— Здорово всем, — проговорил длинный. — Знакомьтесь — это Даша. А я Алексей, — и он пожал руку Игорю, ко-

торого видел впервые. Со всеми другими он был хорошо знаком.

Остальные, с интересом разглядывая Дашу, перечислили ей свои имена. Потом Кирюша сказал:

— Садитесь, что пить будете?

— Я — коньяк, но только «Хенесси», — без излишних стеснений низким голосом озвучила свои пожелания Даша и достала пачку длинных сигарет.

Хозяин квартиры тут же заботливо поднес зажигалку. Даша закурила.

— Твои родители, Кирюша, недовольны будут, что дома курили, — нахмурившись, сказала Ира на правах хозяйки.

А Кирюша только махнул рукой в ее сторону, и, небрежно бросив: «Пойду за «Хенесси». Лех, сможешь поискать?» — встал из-за стола. Они вышли в другую комнату, Кирюша порылся в

шкафах и через минуту извлек бутылку «Хенесси».

— Хорошо, что «Хенесси» у предков нашелся. Слушай, Лех, — спросил он, — а что за девица с тобой?

— Повествование простое и неза-тейливое, — отвечал обстоятельный Леха, — я же вчера тоже на попойке на одной даче завис до утра. Всю ночь гудели. Сегодня пока проснулись, пока в реке искупались, в общем, только после обеда домой двинул. Дача эта у чёрта на куличках находится. Еле до конечной остановки метро в Москве добрался: на попутке какой-то ехал. В метро минут сорок болтался.

— Эко тебя занесло, — посочувствовал товарищу Кирюша.

— Иду от метро, усталость ощущаю страшную. Ничего уже не надо — понимаю. Только бы до дома дойти и спать завалиться. В метро, на эскалаторе, не

поверишь, чуть было в обморок не упал, так в глазах все почернело.

— Это вегето-сосудистая дистония. Спортом надо заниматься, — пробормотал Кирюша.

— Чего? — протянул Леха.

— Ничего, ничего, ничего, — жалея, что отвлек его, снова пробормотал Кирюша. — Дальше, дальше давай, рассказывай.

— Тут вдруг вижу, какая-то симпатичная телка идет навстречу и мне подмигивает. Я ей, естественно, в ответ. А как по-другому? Она мне «привет» говорит. Я ей тоже «привет». А сам думаю: «Наверное, она меня с кем-то путает». А телка меня спрашивает: «Привет, Леш, а как Андрей поживает?». Я теряюсь: какой еще Андрей, черт меня подери, думаю. Но меня-то она ведь по имени называет, значит, мы с ней знакомы, получается. Отвечаю ей уклончиво.

Мол, нормально все с Андреем. И привет ему передам от нее прямо завтра.

Слово за слово. Из разговора получается, что мы с ней действительно знакомы: виделись пару раз в доме отдыха года три назад. А потом я ее еще года два назад в баре напротив здания ТАСС встретил, и Андрей какой-то там был. Но кто он, хоть убей, не помню. Я, видно, по обыкновению пьян был и потому ее тоже не запомнил, хотя это и странно, конечно. А она говорит и говорит все. Невероятно разговорчивая оказалась. Но мне-то невмоготу уже: спать хочу дико. Понимаешь! Однако и бросить такую симпатяжку на улице было бы неправильно. Я по сторонам в полной растерянности смотрю, и твой дом вдруг вижу. И тут мне в голову идея приходит: ее к тебе отвести. И вот она здесь. Я, кстати, сейчас домой отваливаю. Спать хочу невы-

носимо. А ты уж сам тут как-нибудь. Все для друзей, короче, — закруглил повествование Леха, зевая во весь рот.

— А девица-то ничего будет! — сам себе сказал Кирюша, хитро прищурившись.

— Жаль, что у тебя Ирка дома оказалась. Не обессудь — я не знал. Покедова, — и Леха, более не мешкая, отправился домой спать. Благо, что он жил напротив.

— Ирка — тоже мне проблема! — сам себе ответил Кирюша, потирая нос, и вернулся на кухню.

— А где же Даша? — Кирюша разочарованно посмотрел по сторонам.

— Они со Светой курить на лестницу пошли, — суховаато ответила Ира.

— Зря ты их туда отправила, — сказал Кирюша недовольно, — курили бы здесь.

Девушки, никогда не видевшие друг друга до этого, разговорились стоя на лестнице между кадок с цветами. Вернее говорила больше Даша, а Света слушала свою новую знакомую, которая трещала, как пулемет:

— Отец с утра раздраженный был: хотел, было, к Петрову поехать — ну, это Министр Среднего Машиностроения, знаешь, наверное. Ты бы видела, какая у них дача в Барвихе! Так вот, а нашей «Волге» кто-то колесо шилом проткнул. Представляешь? А водителя отец отпустил на выходные. На служебной, сама понимаешь, не поедешь уже. Что делать? Мать предложила, чтобы ее брат его подбросил, но отец — ни в какую.

— Почему? — спросила Света.

— У брата матери ведь «Жигули».

— Ну? — Света, недоумевая, глядела на Дашу. Жигули в то время были пре-

делом мечтаний большей части населения Советского Союза.

— Что — «ну»? Ты что?! Отец в «Жигули» не сядет, — сказала Даша и капризно выпятила пухлые губки. Секунды две-три она молчала, наблюдая за произведенным эффектом, а потом неожиданно сменила тему:

— Слушай, а у тебя с Егором как? Серьезно?

И, видя замешательство Светы, Даша уточнила:

— Я имею в виду, замуж за него собираешься?

На лице Светы выступил румянец. Она в нерешительности молчала, не зная, что ответить на довольно интимный вопрос человеку, с которым десять минут назад не была даже знакома.

— Я думаю, он в тебя влюблен. Это сразу видно, — не дождавшись ответа, продолжала тараторить Даша. — Я та-

кие вещи сразу вижу. Он вокруг тебя так и вьется. Понравиться тебе очень хочет. Но ты смотри, — неожиданно перешла к рекомендациям словоохотливая новая знакомая, — я таких издалека вижу, я уж таких знаю.

Воспитанная Света временами затягивалась сигаретой и вежливо молчала. А Даша уже трещала совсем о другом:

— Знаешь, где вчера мы были?

Света покачала головой.

— У внука самого Черненко, — сказала Даша и взяла короткую паузу, наблюдая за реакцией собеседницы, но уже в следующую минуту природная словоохотливость взяла верх и она затрещала с новой силой:

— Он живет в доме напротив. У него, прикинь, семикомнатная квартира. Мы там коньяку «Хенесси» двадцатилетней выдержки три бутылки выпили. А пепел я в колонку «Сони» стряхивала — дума-

ла, что это пепельница. А ему, внуку Черненко, это все равно. У него эти «Сони» — «Хай Фаи» штабелями в антресолях лежат. Хороший он парень...

— Ну как Вы тут? — Кирюша показался из-за кадки с цветами, — а я как раз вам «Хенесси» принес. — В руках он сжимал бутылку коньяка и три пухлые рюмки.

— Только никому не говори об этом, — вращая черными глазами, доверительно прошептала Даша своей новой знакомой. Та, хотя и не совсем поняла, о чем именно из всего сказанного она не должна никому говорить, кивнула в ответ. Они приступили к распитию коньяка. В процессе выяснилось, что Даша курит почти без остановки. Света, выпив пару рюмок, пошла в квартиру, а Кирюша с Дашей разговорились, сидя между кадками цветов. Время летело незаметно, и

прошло уже около часа, а они все говорили, курили и потягивали коньяк. Но вот хлопнула дверь, и на лестничной площадке появилась недовольная Ира.

— Я еду домой, — сообщила она, и сердито добавила, — ты проводишь меня?

— Давай посидим еще немножко, покурим, — уклончиво ответил Кирюша, по своему обыкновению, пытавшийся обойти острые углы.

— Хорошо, но только пятнадцать минут, — строго сказала некурящая Ира и ретировалась на кухню.

Но пятнадцати минут Даше и Кирюше оказалось определенно недостаточно. Сидя на ступеньках в клубах сигаретного дыма, они продолжали попивать коньяк, когда разгневанная Ира показалась в дверном проеме квартиры во второй раз.

— Я поехала, а ты как знаешь, — ска-

зала она, входя в тут же подоспевший лифт.

— Иришка, ну что ты? — безвольным тоном пробормотал Кирюша. — Через полчаса поедем...

Но лифт уже уносил прочь очередную отвергнутую жертву молодого сердца, который в этот момент смотрел на Дашу преданно-влюбленными глазами.

Девушка Даша, несмотря на то, что происходила из тех же социальных кругов, что и Кирюша, была совершенно не похожа на его предыдущих знакомых. Книг, за исключением сокращенного варианта курса средней школы, она никогда не читала, да и не любила их. Изяснялась девушка просто и незатейливо, главным образом, односложными предложениями. В свою речь обильно к месту и не к месту вставляла матерные выражения. К любым проявлениям искусства была совершенно

равнодушна, а разговоры на эту тему считала глупым самолюбованием. Из музыки предпочитала самые несложные образцы отечественной эстрады. Хотя девушка, не без помощи родителей, и умудрилась окончить институт иностранных языков, ни одним иностранным языком она так и не овладела. Низкий уровень собственного образования не сильно ее тяготил. Было даже не совсем понятно о чем, в сущности, мог так долго разговаривать с ней Кирюша в первый вечер их знакомства.

Даша, несмотря на свой малый рост, оказалась очень энергичной особой; точнее будет сказать, ее экспансивность не знала никакого предела. Она была очень словоохотлива и обладала хорошо поставленным сильным голосом. За столом ей без труда удавалось заглушить любого. Темы, ею затрагивае-

мые, не отличались разнообразием и сводились к обсуждению прогноза погоды, перечню покупок, совершенных за день, а также уровню достатка ближайших знакомых. В своих незамысловатых беседах Даша особенно любила упоминать имена богатых людей, с которыми она якобы была знакома сама, либо с которыми были знакомы ее знакомые. Ей представлялось, — и в этом она, надо признать, была не одинока, — что это прибавляет ей значимости в глазах окружающих.

Даша была девушка нрава буйного, но не злого. Ее родители имели хорошую по тем временам дачу, на которой можно было неплохо повеселиться. Сама Даша была никогда не прочь выпить и покурить, посидеть подольше за столом в шумной компании. Когда Даша затягивалась сигаретой, лицо ее приобретало задумчивое выражение.

Со стороны можно было подумать, что ее голову в этот момент посещают серьезные мысли. Но впечатление это было обманчивым: Даша никогда не давала себе труда задумываться, а мысли ей приходили в голову все больше самые обыденные. Возможно, этими обстоятельствами и обуславливался ее веселый нрав и крепкое здоровье. Улыбка редко покидала ее красивые уста, в черных глазах ее резвились бесовские искорки, а щеки оставались естественно румяными, несмотря на тонны потребляемого ею табака. Даше Кирюша сразу очень понравился, а она — ему. Со свадьбой долго времени не стали.

Как-то раз, года через два после их свадьбы Егор случайно встретился с Петросом на вечеринке в одной компании. Они разговорились, вспоминая прошлое.

— Я вот все думаю, почему Кирюша женился именно на Даше. Ведь были же у него неплохие телки. Симпатичные и неглупые. Не понимаю. Ты что думаешь? — и Егор воззрился на приятеля.

— А черт его знает. Ты, кстати, знаешь, не первый, кто задается этим вопросом. Я месяца три назад Игоря встретил случайно, он тот же вопрос мне задал. Говорил, может большая любовь?

— Да какая там любовь. Влюбленный Кирюша — это же оксиморон, — и Петрос захохотал. — Но я тоже над этим думал, между прочим. И знаешь, что мне кажется? — взгляд Петроса стал серьезным.

— Что?

— Как бы это объяснить. Понимаешь, Кирюша всегда отвязанным был, а в последнее время, после Сингапура, совсем отвязался. Понимаешь, что я имею в виду?

— Ну, есть такое... — неопределенно мотнул головой Егор.

— Ну и даже если он, предположим, еще больше отвяжется, решит, что ему все можно. Бухать будет каждое утро, забудет на работу полностью, забудет все, что знал, наплюет на правила человеческого общежития и так далее, так вот — для Даши он всегда..., — Петрос замялся, — он всегда недостижимым образом, что ли, будет являться. Ей до него никогда не дотянуться. Хотя бы потому, что он китайский знал. Так что с Дашей ему отвязывайся, сколько хочешь!

— Ну, ты это загнул..., — молвил Егор, и друзья сменили тему разговора.

Время шло, после увольнения из Министерства Иностранных Дел Кирюша долго не тужил и, конечно же, не без поддержки родителей, определился на новую работу в Министер-

ство Внешней Торговли. Через год они уехали в долгосрочную командировку во Вьетнам, а через два у них родился сын.

С Егором их отношения почти прекратились — уж больно невзлюбила его Даша.

— Неперспективный какой-то, а вертится все под ногами. Денег у него нет и не будет. Что толку с ним общаться? Мешается только, время отнимает, — делилась своими мыслями о Егоре Даша.

Чтобы отвадить его от дома, она говорила ему всякие колкости. Несколько раз в компании незатейливо справлялась у него, ездит ли он на работу на машине, хотя было и без того понятно, что денег на машину у Егора нет.

Егору Даша тоже пришлось не по душе, и еще до свадьбы он настойчиво обращал внимание Кирюши на ее много-

численные недостатки, наивно полагая, что оказывает тому дружескую услугу. Результатом, к его удивлению, явилось охлаждение их отношений. Встречаться они стали не чаще одного раза в год, а потом и вовсе на время забыли о существовании друг друга.

Помимо прочего, Даша оказалась целеустремленной особой. Мысли о богатстве и положении в обществе обуревали ее голову. В реализации же своих стремлений она вынуждена была полагаться на своего мужа Кирюшу. Несколько раз не без помощи родителей она, правда, все же пыталась найти себя в жизни за пределами дома. Однако попытки эти не увенчались успехом. Говорили, что с последнего места работы даже звонили Кирюшину отцу и обещали, из уважения к нему, исправно продолжать платить Даше зарплату при условии, что она не будет мешать производственному

процессу своим присутствием в офисе. С тех пор Даша оставила всякие мысли о возможности самостоятельного заработка и укрепилась в понимании, что ее путь к славе, деньгам и могуществу должен мостить Кирюша. А укрепившись, начала высказывать свои мысли вслух.

Кирюша же во избежание скандалов — а Даша не терпела, когда ей перечили — на словах соглашался с ней, на деле же не проявлял большого интереса к прозе жизни.

Однажды под утро, когда они уже вернулись в Москву из Вьетнама, в их квартире раздался телефонный звонок. Не совсем трезвый Кирюша недовольно снял трубку. Оттуда послышался торпливый и встревоженный голос соседа по даче. Дом был построен лет двадцать назад Кирюшиным отцом.

— Кирилл, твоя дача горит!

— Ну а я-то что могу поделаться? — монотонно прогудел Кирюша.

— Как это, что можешь? Приезжай скорее! — кричал сосед в трубку, думая, что делает полезное дело.

— А мне-то зачем ехать? Ночь на дворе, — флегматично осведомился Кирюша.

— Твоя же дача горит, твоя! — буквально проорал сосед, думая, что тот не расслышал слова «твоя».

— Ну а я-то что могу поделаться? — также флегматично пробормотал хозяин дачи, положил трубку и отправился снова спать.

В целом он был, конечно, прав. Пожарную команду вызвали и без него, а его приезд вряд ли мог воспрепятствовать пожару. Однако много ли найдется людей, реагирующих подобным образом на известие, что их собственность охвачена огнем?

Шли годы. На Дашину беду Кирюшу, казалось, вполне устраивало, что он имеет. А имели они, по ее представлениям, к тому времени довольно мало: одну на двоих малолитражку да небольшую квартирку в потрепанном доме, которую они купили по возвращении из Вьетнама. Куда подевались добротные родительские квартиры, одному только богу известно. Скорее всего, они были проданы, а деньги прожиты — Даша не привыкла себе ни в чем отказывать. Однако жизнь вносила свои коррективы, и старые привычки пришлось оставить. Во Вьетнаме много заработать не получилось, а в Министерстве Кирюше положили скромную зарплату. Тут уж стало не до шика. Отец его приказал долго жить. Дашин отец тоже давно уже был на пенсии. И оказалось, что помогать Кирюше больше некому. Государствен-

ные дачи, служебные машины и спецраспределители безвозвратно ушли в прошлое. Но Кирюша не изменял своим привычкам. На работе не напрягался, вечерами пил виски и почитывал беллетристику. А в конце недели встречался с друзьями, играл в футбол и пил водку. Если бы не Даша, то он, скорее всего, так и продолжил бы тянуть чиновничью лямку и лет через двадцать, может быть, дослужился бы до начальника департамента. Их с Дашей стали бы приглашать на приемы, званые ужины, да и деньги он стал бы получать совсем другие. Но долгие перспективы Дашу не привлекали. Да и неизвестно, реализовались бы они когда-нибудь. Она постоянно закатывала Кирюше скандалы, называла его никудышным, неудачником и иными обидными словами. Твердила, что если он мужик, то непременно должен что-нибудь придумать. Иногда она даже

давала Кирюше оплеухи. Впрочем, и он не оставался в долгу. Ругал ее в ответ, а выпивши, мог в качестве ответной меры залепить Даше хорошую затрещину.

Все эти разговоры, в конце концов, подвигли Кирюшу на перемены в жизни. В один прекрасный день ему показалось, что он тоже может стать преуспевающим бизнесменом. Он написал заявление об увольнении по собственному желанию и устремился в бушующий океан зарождавшегося российского бизнеса.

Тем временем Егор уже давно закончил свою работу на заводе «Красный пролетарий», где дослужился до должности комсорга. Но комсомол упразднили, и возглавлять стало нечего. Егор не растерялся и с двумя друзьями учредил небольшое предприятие по вывозу

мусора — дело, как здраво рассуждали они, нужное и полезное, а потому прибыльное. Однако, насчет прибыльности этого дела друзья, как выяснилось позже, сильно заблуждались.

Как оказалось, необходимым условием успеха являлись неформальные взаимоотношения с городскими властями. Но там было и без Егора тесно.

Сам процесс бизнеса, в который ежедневно был погружен Егор, был малопривлекателен. Контракты на оказание услуг заключались с большим скрипом, платежи по ним осуществлялись нерегулярно. Машины, на которых вывозили мусор, были старыми и без конца ломались. Чинить их было некому. Нанять грамотных специалистов было не на что, и Егору приходилось пахать от зари до зари самому. Но хуже всего дело обстояло с шоферами. После полочки половина из них уходила в запой, из кото-

рого многие уже не могли выйти — их приходилось увольнять. Другая половина без конца устраивала аварии на дорогах. Страховок тогда еще почти не было, а те страховые компании, которые все же появлялись на рынке, жили недолго и имели тенденцию банкротиться именно в тот момент, когда наступал страховой случай. Шли бесконечные судебные тяжбы. Шоферы требовали повышения зарплаты. Донимали налоговые проверки, приходили пожарники, санэпидемстанция, арендодатели требовали повышения арендной платы. От всего этого у Егора пухла голова, но он с детства привык не ждать милостей от жизни и никогда не терял бодрости духа.

Надо отметить, что Егор всегда был самоуверенным человеком. Жизненные неурядицы не оказали на эту черту его характера существенного воздействия. Он их просто не замечал. То небольшое,

что он смог заработать к тридцати годам — добротная одежда, старая машина и маленькая съемная квартира — всегда представлялось ему лучше, чем аналогичные вещи у других. Все то, что он не мог себе позволить, — а такого было немало, — он совершенно искренне считал просто ненужными. Такое у него было счастливое устройство психики. Так еще в дни далекой юности, как-то узнав, что его другу Кирюше родители собираются покупать модный автомобиль «Жигули» пятой модели, мечту многих, Егор совершенно искренне заинтересовался у него, зачем он ему нужен. Ведь с машиной так много хлопот! Кирюша лишь с удивлением посмотрел на своего друга и ответил что-то вроде «на всякий случай», про себя же отметил: «Воистину зависть принимает порой нелепые формы».

Когда Егору перевалило за трид-

цать пять, он приударил за своей секретаршей Ирой. Девушка была лет на десять моложе его, высока, стройна и хороша собой. Она благосклонно приняла ухаживания Егора, который старался изо всех сил и готов был на многое, чтобы доказать искренность своих чувств. В это же время он затеял строительство собственного дома, в котором планировал жить с Ирой. Денег не хватало, и Егору приходилось по субботам-воскресеньям, подменяя прораба, лично возить цемент и кирпичи, руководить рабочими. Строительство продвигалось медленно, и прошло лет пять, прежде чем приступили к укладке крыши. А нужна была еще внутренняя отделка, облагораживание территории.

А Ира хотела путешествовать. Она говорила ему:

— Егор, зачем нам дом? Давай лучше потратим все деньги на путешествия!

Но Егор свое дело знал туго и резонно про себя замечал: «Ага, потратил один такой. Только потом без жены и без денег остался». А Ире вполне искренне говорил:

— Да и на что они нужны, эти путешествия? Что там за границей, собственно говоря, такого, что мы не видели? Ездил я пять лет назад на неделю в Испанию. Ничего там особенно интересного не заметил. Мог бы и не ездить вовсе — ничего бы не потерял. Нам и здесь хорошо.

Когда Егору доводилось зайти в рестораны, он, заказывая себе самые дешевые блюда, без устали твердил, что в ресторанах нет ничего хорошего, и что то же самое можно поесть и дома. Когда Ира предлагала поменять его старую колымагу, он отмахивался и говорил, что заниматься покупкой новой машины дело хлопотное и, в общем-то, пустая

трата времени, когда и эта ездит хорошо.

Строительство дома в совокупности с нужным обществом, но малоэффективным трудом по ассенизации города могло запросто занять все время Егора до наступления пенсионного возраста. Но в один прекрасный день удача улыбнулась ему.

Один его старый знакомый, совмещающий позицию акционера и менеджера, собрался на пенсию. Не то чтобы человек этот достиг пенсионного возраста, нет, просто он достаточно, по его представлениям, заработал, а теперь хотел как следует отдохнуть и пожить в свое удовольствие. А какое же может быть удовольствие, если ты служащий, и каждый день тебе необходимо отправляться на скучную и малоинтересную работу? Между тем, место у него было очень даже теплое: директор одной компании,

связанной со строительством. Компания была немаленькая и быстро растущая, а доходы ее — значительные. И вот человек этот, доверяя Егору, предложил его кандидатуру своим партнерам по бизнесу. Те согласились. Егор, недолго думая, бросил за долгие годы опостылевший ему собственный бизнес, и вместе со свежим притоком денег его жизнь начала чудесным образом меняться.

Прежде всего, многолетнее строительство было завершено в течение года, и Егор с Ирой из малогабаритной съемной квартирки перебрались в собственный дом. У них появилась челядь, которая жила в отдельно стоящем здании и постоянно была занята облагораживанием территории вокруг дома. На этом метаморфозы не кончились. Егор с удовольствием стал посещать дорогие рестораны. Мысли о высоких ценах или о том, что все то же можно поесть и дома в его

голову почему-то больше не приходили. В результате за несколько лет он сильно поправился и больше не мог заниматься спортом. Зато у Егора появились новые увлечения. Как минимум раз в полгода он начал менять дорогие марки автомобилей, и это более не представлялось ему пустой тратой времени. В довершение всему, у Егора неожиданно проснулась известная многим страсть к дальним путешествиям. Вдруг оказалось, что в мире есть много всего интересного. И чем дальше он летал, плавал и ездил, тем больше ему хотелось увидеть что-то новое, открыть для себя неизведанное. За несколько сытых лет Егор совсем заматерел и округлился. От его былой суетливости не осталось и следа. Разговаривал он теперь неспешно, а передвигался степенно.

А что же Кирюша? Оставив понятную ему службу чиновника, он с од-

ним знакомым зарегистрировал частную фирму. Начали они, как и многие в то время, с коммерции. Походили по магазинам и рынкам, справки у «знающих» людей навели и решили для начала поторговать новозеландским маслом. Все просчитали — дело представлялось верным. К тому же Даша им все уши прожужжала про то, как ее школьный товарищ якобы сказочно разбогател на торговле. А тоже начинал с простого ларька.

Но стоило им начать действовать, как все пошло наперекосяк. Денег на закупку им удалось одолжить меньше, чем они предполагали. Сам товар пришел с задержкой. Со складом вышли неприятности, и хранить товар, за исключением небольшой партии, сразу переданной магазинам на реализацию, оказалось негде. Большая часть товара пропала. Денег от реализации

остатков товара не хватило даже на погашение долгов. Пришлось спешно занимать у знакомых. Отдавать было нечем. Но компаньоны опять взяли в долг — только у других знакомых. В этот раз товар пришел почти вовремя, склад не подвел, но часть ларечников, которым они сдали товар на реализацию, обманула их самих. А когда они пришли за выручкой, то получили в морду от крепких ребят с короткими стрижками.

Несколько трудных лет они старались наладить торговлю маслом. Кирюша тратил на собственный бизнес все свои силы. От постоянного нервного напряжения он стал плохо спать по ночам, а волос на голове у него заметно поубавилось. Да и здоровье начало подводить. Даша в те короткие часы, когда он находился дома, продолжала ругать его бранными словами и понуждала «взять да

придумать что-нибудь». Хотя, что именно, сама она толком не понимала.

— Когда же ты станешь приносить деньги в дом? Не глупее же ты паровоза? Как же меня это все бесит! Понимаешь ты, бесит! — раздражалась она. — Получается же у других, в конце-то концов? — И Даша приводила в пример фамилии бандитствующих элементов, с которыми за время новой Кирюшиной работы у них как-то само собой свелось довольно тесное знакомство.

Под этим напором Кирюша со своим напарником решил заняться торговлей водкой. Даша не раз упоминала знакомых своих знакомых, сказочно обогатившихся на этом деле. Знакомые эти, стоит заметить, уже как год скрывались от правосудия за границей. Но Дашу это нисколько не смущало, даже наоборот — привлекало. О том, как они ловко

одурачили налоговую службу, писали российские газеты. Они были не просто богаты, но и знамениты!

— Могут же люди! Могут! Вот и вы бы так! — орала она на Кирюшу, — придумали бы что-нибудь, наконец, с напарником твоим! А то какой же ты мужик! Только сидишь и водку пьешь! Меня это бесит, понимаешь ты, бесит!

Кирюша действительно даже в самые трудные времена своей жизни, которые, похоже, и переживал тогда, в рюмке водки себе никогда не отказывал. Как, впрочем, и его жена Даша. Хотя она больше предпочитала хороший коньяк. И помимо сигарет, это было то единственное, в чем она хоть как-то научилась разбираться к сорока годам своей жизни.

Торговля водкой также не принесла практически ничего кроме головной боли. Потом последовало несколько но-

вых предпринимательских инициатив и авантюр со схожими результатами.

Не надо забывать, что Кирюша всегда был человеком склонным к абстрактному. Он любил литературу, с удовольствием изучал культуру других народов и их языки. Работа в министерстве, которой он когда-то занимался, не приносила ему большого удовлетворения, но и не сильно тяготила его. По крайней мере, без излишнего напряжения отрабатывал свой рабочий день среди привычных и понятных ему людей в галстуках, он, выйдя из чистого помещения, сразу же забывал о работе. Вечера оставались в его полном распоряжении, не говоря уже о субботе с воскресеньем.

Малый бизнес, которым он ныне занимался, не давал ему покоя ни днем, ни ночью. И что было особенно плохо, он был ему глубоко неприятен. Вежливый Кирюша привык к рафинированно-

му окружению, в котором хорошо себя чувствовал. Но общаться ему теперь приходилось с мелкими торговцами, людьми простыми и далекими от высоких материй, которые всегда искали собственную выгоду за его счет, а проще говоря, пытались его обмануть. Противостояние этим людям называлось бизнесом, который занимал теперь все Кирюшино время без остатка. Не было больше свободных вечеров: работать надо было допоздна. Не было спорта, некогда было читать и ходить по театрам. Домой он приходил, чтобы только поспать. В субботу и воскресенье приходилось встречаться с малоинтересными, но нужными для бизнеса людьми. Шли годы. Вся жизнь его превратилась в бесконечную и изнурительную работу, которая, не приносила ни денег, ни душевной радости. Взгляд его потерял живость. Кирюша стал дерганным. Некогда бога-

тырское здоровье все чаще давало сбои. Его начали беспокоить тяжелые мысли о будущем.

«Что же меня ждет через год, два, пять? Неужели я должен прожить их в таком же духе? И зачем мне все это? — перед сном задавался вопросом Кирюша. — Радости никакой. Денег у меня определенно больше не становится. Слава богу, конечно, не голодаю, могу заправить бензином старую машину. А вот так, чтобы не работать хотя бы с год, да что там с год, на месяц закрыть чертову лавочку, поехать, скажем, попутешествовать — об этом не может быть и речи! А если, вдруг, заболеешь? Нет, об этом лучше просто не думать. Денег хватает в обрез. Но тогда, стоит ли это все таких усилий? Или, может быть, так все живут? Или же тупая каждодневная забота о хлебе насущном есть общечеловеческий удел? Нет, это не так. Неко-

торые ведь живут совсем по-другому». Тут сон тяжело наваливался на утомленного ненавистным трудом человека, глаза его закрывались, ход мыслей прерывался.

Но однажды он не мог заснуть дольше обычного. Кирюша вдруг вспомнил то утро в «Ай Даниле», когда он молодой и всеми любимый сидел на балконе десятого этажа и смотрел на открывавшуюся перед ним безбрежную синеву моря и неба, в которую, казалось, стоит лишь ступить, и прекрасное будущее распахнетя перед ним и увлечет его за линию безмятежного горизонта радостной жизни. Легкий бриз приятно охлаждал его здоровое тело. Он был свободен, всеми любим, и ничто его не обременяло.

Кирюша улыбнулся своему радостному прошлому, которое было всегда с ним и которое никто, пока

у него была память, не в силах был отобрать.

Потом он вернулся мыслями к настоящему, и морщины на его лбу сделались еще глубже. Тут ему в голову неожиданно пришла неведомая доселе мысль: «Все, хорош! С Дашей я больше жить не буду. Уйду. Вот только с сыном поговорю. Он уже большой — поймет. И пусть она все забирает! Все ей оставлю: квартиру и машину. А сам уйду. Не могу больше».

Потом он задал себе вопрос: «Уйду, допустим. Ну а жить, где же я буду жить? Где взять денег на квартиру?» Вопрос не находил ясно-го ответа. Тогда Кирюша потер себе нос и пробормотал вслух:

— А ну его к Аллаху! Придумаю что-нибудь. Буду снимать, в конце концов. Не притеснять же теперь сына

разменом квартиры, да и не согласится она.

Сына Кирюша очень любил.

Немного погодя ему в голову пришла еще одна мысль: «И проклятый бизнес этот — пошел он к черту! Пойду назад, в министерство. По крайней мере, рубашку белую с галстуком каждый день носить буду. Есть у меня один знакомый там, подсобит с устройством, надеюсь». Поразмыслив еще немного, он решил, что объявит об этом Даше через пару дней. Несмотря на то, что решение было трудным, Кирюша ощутил прилив спокойствия и давно утерянного чувства свободы. Потом он повернулся на бок и впервые за долгие годы безмятежно заснул.

На следующий день раздался телефонный звонок. Старые друзья молодости, с которыми он не виделся тысячу лет, предлагали встретиться и потрянуть

старинной, то есть выпить и закусить. Договорились собраться у Егора.

И вот, летним субботним вечером Кирюша с Дашей на потрепанном Фольксвагене миновали массивные ворота. Их взгляду открылся добротный хозяйский дом, на пороге которого стоял заметно округлившийся хозяин. Прекрасная хозяйка приветливо улыбалась гостям. Она грациозно поправила прическу, и на ее руке блеснуло кольцо с массивным бриллиантом. Егор степенной походкой уверенного в себе человека направился встречать гостей.

— Помнишь, какой он был суетливый? — сказал Кирюша Даше перед тем, как выйти из машины. — Не ходил, а бегал.

Разговорчивая Даша на этот раз хранила гробовое молчание и только смотрела по сторонам. Когда-то она взирала

на Егора сверху вниз. У нее было все, у него — ничего. Сейчас, похоже, все поменялось.

Они вышли из машины, Кирюша с Егором обнялись.

— Сколько ж мы не виделись? — Спросил Егор и сам себе ответил, — лет двадцать, не меньше.

— Не говори, за сорок пять уже перевалило в прошлом году.

После дальнейших слов приветствий Егор, указывая рукой на массивный гараж, сказал:

— Машину лучше поставить сюда, рядом с моими.

Кирюша припарковал свой маленький старый «Фольксваген» рядом с сияющей тушей хозяйского «Бентли» и спортивной «БМВ» последней модели. В глубине гаража угадывались благородные очертания «Порше» и «Мазератти».

Они пошли к дому по гранитной до-

рожке, прорезавшей гладко подстриженные газоны. Здесь и там возились рабочие. Кто-то налаживал поливочное устройство, другие копошились возле яблонь. После осмотра дома друзья обшновались на открытой веранде. Потом подъехали еще два друга их юности с женами. Женщины затеяли свою беседу, мужчины свою. В какой-то момент на веранде появился повар и тихим голосом поинтересовался у хозяйки, к которому часу подавать горячее.

Кирюша смотрел вокруг себя: на добротный дом Егора, цветущий сад, на его дорогие автомобили в гараже и прислугу. Чувство зависти никогда не было ему свойственно, и сейчас он просто размышлял, как переменчива бывает жизнь, и как многое в ней может измениться. Он думал о том, что равное количество затраченного труда почему-то не ведет к одинаковым результатам. Он

размышлял о том, как непостоянна бывает удача. Кому-то она дается с рождением, но потом неожиданно покидает, к кому-то приходит в зрелом возрасте, а кому-то не улыбается вовсе. Он смотрел на некогда суетливого, а ныне уверенного в себе Егора и слушал, как тот весомо вещал:

— А что, Петрос, ты переживаешь? Правильно, — по-отечески одобрял Егор действия их друга молодости, — все правильно, Петрос, надо брать, что нравится. Я вот всегда так делаю, — и он окинул взглядом свой дом, гараж и сад. — Ты говоришь, тебя мучает совесть, что ты оставил свою старую жену и женился на молодой? Но так устроена жизнь, мой друг — от этого никуда не денешься. Естественный отбор.

— Для этого возможности надобно иметь соответствующие, — отвечал Петрос, — а они не у каждого есть.

— Не у каждого? — ухмыльнулся Егор, ковыряя в зубах полированным ногтем. — Разумеется, не у каждого. Работать надо просто. Тогда все будет.

«Давно ли он так рассуждает? Как быстро все меняется... — думал Кирюша. — Еще лет пять назад, мне рассказывали, сэкономил на всем, а теперь посмотрите на него: «Всегда беру, что нравится...»! Как будто и не было всей его скромной жизни. А это: «Работать надо просто»? ...Кому это надо, спрашивается? — лениво рассуждал про себя Кирюша, не вступая в разговор. — Нет, все это, может, и правильно. Особенно, если знаешь зачем. А если приходится тянуть ежедневную лямку за три копейки? Тогда как? Ну да ладно, пусть в его случае и надо. Но речь-то, кажется, он ведет обо всех подряд. Да и вообще: где бы он сейчас был, если не улыбнулась бы ему удача, и не подвернулся бы его

знакомый? Так и трубил бы от заката до рассвета на своем малом предприятии, экономя каждую копейку? Интересно было бы тогда его послушать. Воистину: бытие определяет сознание».

Егор посмотрел на Иру и сказал:

— Ирочка, родная, не принесешь ли нам еще вина? Того, что мы с тобой из Чили привезли.

«Это новое в отношениях Егора с женщинами, — думал Кирюша, — раньше бы ему и в голову не пришло о чем-либо просить Иру. Он все и всегда делал услужливо сам. Раньше Егору надо было понравиться. Сейчас все изменилось. Он стал хозяином».

Появилось новое вино. Его попробовали, похвалили, потом принесли другое, с другой винодельни, из другой страны, то ли из Аргентины, то ли из Австралии, но тоже приобретенное Егором и Ирой лично на месте его про-

изводства. Хозяин степенно делился с друзьями своими впечатлениями о посещенных ими винодельнях.

Радужные хозяева были искренне рады гостям. После дегустации вин подали легкие закуски русской кухни с запотелой водкой. Потом подоспела духовитая солянка, и снова в дело пошла запотелая водка. Много говорили, о чем-то спорили. Потом Кирюшей овладела сладкая истома, и его голова плавно склонилась на подголовник кресла. Глаза закрылись.

— Ну вот, опять нажрался! — услышал он не теряющий с годами своей природной силы Дашин голос. — Как меня это бесит! Просто бесит!

— Кирилл, я тебя, кажется, спрашиваю, — продолжал голос его сварливой жены до боли знакомые фразы, — ты можешь не пить водку? Можешь? А? Не пить водку, я тебя спрашиваю? Можешь? Водку

не пить можешь? Меня это бесит, понимаешь ты, бесит?!

Кирюша ничего не ответил. Да и что уж тут скажешь? Он не открывал глаз, но знал, что при этих словах Даша опрокидывает очередную рюмку коньяка и с серьезным видом затягивается сигаретой. Все это было ему привычно и давно, как полагали его друзья, его уже не беспокоило.

— Ну, ничего: скоро этому конец, — подумал он.

Потом он расслышал обрывок разговора.

— Когда я выходила за него замуж, разве я об этом мечтала? — говорила Даша Ире. — Я-то думала: сын такого человека, факультет международных отношений, Министерство Иностранных Дел, я думала, мы как сыр в масле будем кататься...

Кирюша попытался вспомнить, о чем думал он, когда делал ей предложение, но не смог. Вместо этого он приоткрыл

глаза и, потерев нос, по слогам сказал своей жене:

— И ничего-то у тебя не вышло!

Потом он снова прикрыл глаза и подумал: «Завтра же подаю на развод, и никакие квартиры меня не удержат».

Где-то грянул гром, вдали сверкнула молния, и хлынул теплый летний ливень. Капли его весело забарабанили по крыше беседки. Кто-то прибавил музыку. Звуки горячей латинской песни слились с шумом дождя. Кирюша повернул голову и увидел Егора, танцующего под проливным дождем. Мокрые шорты плотно охватывали его толстые ляжки. Егор всегда хорошо танцевал, особенно, когда он был молод и гибок. Но и сейчас, несмотря на свой внушительный вес, он бодро крутился и вертелся под потоками летнего ливня, звучно пощелкивая крупными пальцами. Его рука при этом крепко сжимала початую бу-

тылку текилы, из которой он поминутно отхлебывал. На устах Егора играла блаженная улыбка абсолютного счастья. Где-то вдалеке за ним появилась радуга.

«Жизнь переменчива. Как причудливо она тасует людей? — думал Кирюша. — Посмотрим, чем она нас еще сможет удивить лет, так, через двадцать. Если, конечно же, дожить».

Январь 2010

Другая сторона

Отдав последние распоряжения няне двух своих детей, Эльвира закрыла дверь квартиры и, ожидая лифта, нервно закурила. Не успела она сделать и двух затяжек, как раздался мягкий сигнал, и массивные двери «Отис» плавно разъехались, приглашая ее войти. Внутри лифта стоял добропорядочного вида гражданин средних лет в очках и шляпе. Он бросил неодобрительный взгляд на дымящуюся сигарету Эльвиры, и ей пришлось пробормотав: «поезжайте, пожалуйста, я подожду», остаться докуривать сигарету на своем этаже.

«День не задался, — пришло ей на ум, — как, впрочем, и все последние годы».

Она затушила сигарету, снова вызвала

лифт и спустилась на подземную стоянку. Там Эльвира подошла к своему Мерседесу, бросила сумку «Луи Витон» на переднее пассажирское сиденье и повернула стартер. Выезжая из гаража, она в который раз сильно задела диском о бордюр и с раздражением подумала: «Надо же было построить такой узкий выезд! И это называется элитное жилье? Полировать диск будет стоить кучу денег. Вот только откуда их теперь взять?»

Эльвира посмотрела на тяжелое осеннее небо и подумала: «Надо менять резину на зимнюю. Опять расходы! Ну да ладно». Она нажала ухоженным пальцем кнопку на руле, и радио послушно прибавило громкости. Легкая музыка полилась по салону автомобиля. Но настроения ей это не улучшило.

Эльвира ехала на встречу со своей институтской подругой, Наташей, которая лет пятнадцать назад переехала в

Италию. Несмотря на это, они продолжали дружить. Раза два в год Эльвира ездила к ней. Наташа приезжала в Москву обычно осенью и весной. Они вместе ходили по модным магазинам и бутикам, потом могли зайти в какой-нибудь ресторанчик, вечером — в театр. Наташа была и оставалась самой близкой ее подругой, которой можно было рассказать абсолютно все, которая все понимала и никогда не осуждала.

Был ничем не примечательный будний день. От квартиры на Остоженке до ЦУМа, где подруги договорились встретиться, Эльвире было бы идти не более получаса, но из-за чудовищных пробок прошел целый час, прежде чем она смогла припарковать свою машину.

Эльвира хлопнула дверью автомобиля и направилась в магазин. На ней

было элегантное замшевое пальто в тон цвета ее волос и белые сапоги. Ее отличала худоба и загар. Эльвира была все еще интересная женщина, возраст которой, однако же, — а ей несколько лет назад перевалило за сорок — все настойчивее давал о себе знать. Особенно тяжело дался ей последний год, со всеми своими жизненными неурядицами, которые оставили свои следы в виде мелких морщинок на ее лице.

Она набрала номер телефона и приложила трубку к уху.

— Наташа, ты где?

— Я-то на месте. А ты?

— Я иду к ЦУМу со стороны, противоположной Моховой.

— Чудесно, а то я уже как двадцать минут тебя жду.

— Прости, пробки одолели.

— Ладно, не бери в голову. Я жду тебя у входа, у автомобильной лавки.

— Какой?

— Сейчас прочту, подожди. А вот, «Мазератти»!

— Я тебя уже вижу.

Подруги расцеловались. Они походили по полупустому в этот час огромному магазину, в который раз отмечая несуразность московских цен. Наташа все же совершила несколько мелких покупок. Эльвира же ничего себе не купила, что было ей совершенно не свойственно. Потом к ним незаметно подкралось чувство голода, и они отправились в ближайшее кафе «Воуг». Там уютно расположившись, они завели беседу.

— Ну, сколько же мы не виделись, подруга? — спросила Наташа.

— С весны. Ты, кажется, в апреле приезжала?

— Что же ты летом в этот раз ко мне не приехала?

— Дети болели. Я тебе писала.

— Что-нибудь серьезное? Сейчас здоровы?

— Ничего серьезного, слава богу, не было. Так, простуда. Вначале Оксана, младшая моя, затем температурила, потом Катька. И как назло летом.

— Жалко. Сколько им сейчас уже?

— Оксанке девять, а Катьке двенадцать скоро исполняется.

— Ну, совсем большие уже. Вот и надо было их на море вывезти перед московской зимой. Здоровья набраться.

— Это правда. Но куда больных повезешь? А откровенно сказать, подруга, никакого настроения никуда ехать не было. Я, единственно, за все лето на пару дней на Лазурный берег мотанулась, да и то по делам: с дядькой одним большим встретиться надо было — все в потугах работу найти. Я тебе об этом писала кое-что, но всего по электронке не напишешь.

— Конечно, Эльвира, не напишешь!

Для того и встречаемся. Давай рассказывай, облегчай душу. Как с работой у тебя? Решилась на что-нибудь?

— А на что тут решаться? — Эльвира совсем погрузилась.

— Ну ты мне писала что-то, если я не ошибаюсь, — сказала не очень-то просвещенная в вопросах бизнеса Наташа.

— Если ты помнишь, я два года назад еще в «Юниливер» работала... — начала Эльвира.

— Это такая огромная международная корпорация, раскинувшая щупальца по всему миру. Даже я знаю. Ты там финансовым директором работала? Топ-менеджером, то есть? — перебила ее Наташа.

— Работала, работала, — с сожалением в голосе продолжила Эльвира и махнула рукой. — Но потом, как ты помнишь, решила начать свое дело — дура старая. И уволилась. И начала. Зареги-

стрировала фирму даже. Штат начала набирать. Договора о намерениях с контрагентами подписывала. Помещение под офис дорожее сняла в самом центре. И все было бы хорошо, но начался кризис, и люди — большие дядьки, с которыми я договорилась, и которые мне обещали, что дадут деньги на раскрутку — а это как ни крути десятка, а то и вся двадцатка долларов, — сделали тете ручкой. Я пыталась, конечно, найти других. Ночи не спала. Тянула за свой счет текущие расходы, чтобы штат не распускать. Но каких инвесторов, спрашивается, в кризис найдешь? Короче, фирму пришлось закрыть. А убытки отнести на свой счет.

— И давно это произошло?

— В мае еще, сразу после твоего отъезда. До этого у меня оставалась хоть какая-то надежда.

— Ты мне не писала об этом.

— А что тут писать? Радости мало, сама понимаешь.

— А дальше? — спросила Наташа.

— А что дальше? Дальше я начала искать работу снова по найму.

— В «Юниливер» назад не звонила?

— Звонила. А что толку? Свято место пусто не бывает. Они мою вакансию сразу же закрыли. Говорят, какого-то молодого толкового парня на мое место взяли. Он сидит и не журчит. Денег в полтора раза меньше у них попросил. Зачем я им теперь нужна?

— А другие?

— Другие... Везде говорят, что кризис. А потом, когда дело к сорока пяти идет, не так-то просто что-то найти.

— Ну не знаю, ты же топ-менеджер все-таки. Таких мало.

— Таких, подруга, как я, как собак нерезанных, ешь — не хочу. Боюсь, я только больно поздно это поняла. Я уже

давно готова и на меньшую должность. Но и там не получается ничего. Избыточная квалификация и недостаточная мотивация у Вас, говорят. Это у меня-то недостаточная мотивация?! — закричала Эльвира, и некоторые посетители ресторана с интересом посмотрели на нее.

— С другой стороны, может быть, тебе не работать пока? Зачем тебе эта работа? Твой Алексей денег доплатит за заработывает. Вам вполне хватит. Его-то с работы не уволили, надеюсь?

— Его-то не уволили. Куда он денется. Он даже еще продвинулся в последнее время. Самым главным у них стал.

— Ну так вот! Что тогда переживать? Плюнь ты на эту работу. Или дома не сидится все? Самореализоваться хочешь?

— Сейчас уж не до этого стало, — махнула рукой Эльвира.

— А что же тогда?

— Я же тебе писала, что Алексей последнее время совсем озверел.

— Это как? Вроде неплохой мужик был.

— Был, да весь вышел. У нас с ним почти до точки дошло.

— То есть?

— Дома он совсем мало появляется теперь. А когда появляется, то мы либо молчим, либо кричим друг на друга. Разве что не деремся. Хотя он недавно несколько раз меня действительно толкнул в ярости. Того и гляди до рукоприкладства дойдет.

— Хорош гусь! И давно это у вас так?

— И раньше-то не очень хорошо было, — я тебе просто не писала об этом, — а когда я из «Юниливер» ушла — финансовую самостоятельность потеряла, вот тут все и началось! Он как с цепи сорвался. Власть свою почувствовал.

— Погоди, а что значит, он дома мало появляется?

— Это значит, он дня три в неделю дома ночует, а дня на четыре якобы к своей мамаше переезжает. К мамаше или еще куда — это проверить надо, между прочим. А иногда он на свою охоту чертову на несколько дней уезжает. Страсть у него к ней появилась, видите ли! Мне только грязные рубашки и трусы оставляет на постирку, как будто я горничная ему. А общаемся мы теперь через детей. Он взял моду им сообщать, когда он дома появится. Деньги мне на счет переводит! Пять тысяч долларов в месяц! Всего-навсего. Как ты думаешь, на это проживешь с двумя детьми-то? Притом, я и за квартиру плати, и свою машину сама полностью давай обслуживай, и еду сама покупай!

— Послушай, Эльвира, вы же прожили лет двадцать вместе. Всегда же мож-

но договориться по-человечески! Какой негодай, однако, оказался! Я же ведь его прекрасно помню. Он раньше вполне приличный мужик был.

— Вот именно, что негодай! Я уже еле держусь, чтобы его из дома не выставить!

— Подожди, подожди... Может быть, он этого как раз и добивается?

— Вот именно! Сам решение принимать не хочет. Ответственности не хочет. Меня специально провоцирует. Чтобы я ему все в лицо бросила, какой он негодай. А он мне обиженно сказал бы: «Ах, так! Вот как со мной, с кормильцем, обращаются! Сама во всем виновата, значит. Ну, тогда пеняй на себя, а я умываю руки». И вроде я во всем виноватая окажусь, а его совесть чиста будет.

— Мужики они такие, не любят решение принимать. Хотя не по-человечески это все, конечно.

— Это уж точно. Живу как на пороховой бочке. Не знаю, когда он домой заявится, и что за этим последует. Привычка у него появилась Вагнера на полную громкость включать. Дети уже спят, а он высокой музыкой наслаждается! И попробуй скажи ему что!

— Может тебе развестись с ним?

— Да?! Он только этого и ждет. Развестись? С двумя детьми на руках и без работы. На моем текущем счете и десяти тысяч зеленых не наберется. Все сбережения мои ушли на провалившийся проект. Алексей ведь ни копейки не вложил, гад такой! Хотя проект совместный, раз мы одна семья! Я и так во всем себя теперь ограничиваю. Думаешь, приятно такой жизнью жить? А что делать?

— Ты знаешь, я бы все-таки подумала на твоём месте еще раз, что лучше. Помнишь, как у меня было? Когда мой первый итальянец вдруг решил, что об меня

можно ноги вытирать, я плюнула на всю эту красивую жизнь, на все тряпки, шмотки, виллы, яхты, и ушла просто в никуда. В Россию возвращаться не хотелось. Тогда я переехала в драную квартиру на окраине Милана и отправилась работать в магазин. В то время всем казалось, что я сошла с ума, и что никаких шансов у меня больше в жизни нет. Да я и сама так думала. Думала, что так и буду влачить жалкое существование. И влачила, и ничего. Ты же помнишь? Приезжала ко мне тогда. Горевали вместе. А теперь, посмотри, все опять наладилось.

— Не знаю, я так не могу. Ты решительная, а я, видно, нет. По правде сказать, трудно расстаться с нормальной машиной, с сезонными коллекциями шмоток. Привыкла я к этому всему. К тому же у меня двое детей на руках. Их куда, спрашивается, девать? Они есть

просят. А их образование? Где на него деньги взять? У тебя детей не было. За себя одну всегда решение легче принимать.

— Тут мне сложно судить, но я думаю, что я и с детьми от такого упыря ушла бы. У меня знаешь, в жизни несколько раз так было: пока цепляешься за что-то, что уже давно, по сути, от тебя ушло, только хуже становится. От этого судорожного цепляния все другое перестает для тебя существовать, все в жизни твоей уменьшается до одной точки, в единственную заботу превращается: жить для того, чтобы удержать то, что имеешь. Это ужасно. И знаешь что? Чем больше ты пытаешься удержать, тем больше кто-то невидимый это у тебя отнимает. Ни на что уже сил у тебя не остается. Ничего вокруг не видишь. А отпустить страшно. Кажется, что это последнее, что у тебя в жизни

осталось, и если бросишь, то погибнешь неминуемо.

А потом найдешь в себе силы плюнуть на это, смиришься с потерей, оглядишься вокруг. И странным образом заметишь многое, чего не замечала до этого в бессмысленной борьбе своей. И жизнь откроет тебе другие возможности. И наградит чем-то совсем другим, новым. И все-то, в конце концов, наладится. Хотя, наверное, по-всякому бывает. Каждый, в конечном счете, только про себя знает, да и то не до конца.

Подруги какое-то время молчали, а потом Наташа сказала:

— Ты прости меня, я не хотела нравочения тебе читать. Просто задумалась и говорила, что в голову придет.

— Все в порядке, подруга. Я не сержусь: мы же сто лет друг друга знаем. А иначе зачем встречаться?

— Но надо же, как твой Алексей из-

менился все-таки! В какого монстра превратился! — посетовала Наташа. — Я же его совсем другим помню!

— Ты его когда последний раз видела? Лет десять назад?

— Больше. Вы тогда к нам вместе в Милан приезжали. Все казалось так безоблачно.

— Да, — с грустью сказала Эльвира. — Все меняется.

На десерт они взяли тарелку экзотических фруктов и кофе. Потом расплатились по счету пополам — так они всегда делали, и Эльвира поехала домой. Вечером они сходили вместе на какую-то премьеру, а на следующее утро выяснилось, что Наташе нужно срочно лететь назад в Милан по неотложному делу. Подруги поохали и поахали, но вынуждены были расстаться.

На следующий день Наташа, пройдя паспортный контроль и прочие утоми-

тельные процедуры досмотра, наконец-то удобно устроилось в кресле у окна самолета.

Не успела она привычно подумать: «Только бы рядом никто не сел...», как грузный мужчина лет пятидесяти стал устраиваться на соседнее кресло.

Наташа отвернулась и стала смотреть в окно. Самолет, вырубив на взлетную полосу, быстро начал разгоняться. Ее вдавило в кресло. Самолет оторвался от земли и начал набор высоты. Наташа закрыла глаза. Ее разбудил голос стюардессы, предлагавшей напитки. Сосед ее попросил себе джин-тоник. Голос его показался Наташе знакомым, и она в первый раз повернула голову и посмотрела на него. Она не могла верить своим глазам: рядом с ней сидел Алексей, муж ее подруги, негодяй и гад, собственной персоной. Он сильно изменился за эти

годы. Полысел, пополнел. В его внешности и движениях теперь угадывался большой начальник. Алексей читал какие-то бумаги и не обращал на нее никакого внимания. По-видимому, он ее тоже не узнал. Наташа видела Алексея последний раз, когда он и Наташа приезжали к ней в Милан лет двенадцать назад. Тогда они выглядели абсолютно счастливой парой. До их визита Наташа тоже видела его нечасто. Всего-то несколько раз за все годы замужества своей подруги. С ней, как впрочем, и с другими, он был всегда очень вежлив и даже приветлив. От того Наташе трудно было представить его в роли семейного тирана.

— Что я могу Вам предложить? — обратилась к Наташе стюардесса.

— Мне, пожалуйста, бокал красного вина.

Алексей оторвался от бумаг и по-

вернул голову на звук голоса своей соседки. Их взгляды встретились, и он, как будто роясь в своей памяти, медленно сказал:

— Я думаю, мы знакомы.

Потом его брови поползли наверх, и он приветливо сказал:

— Ваше имя — Наташа. Вы подруга Эльвиры. Мы были у Вас в гостях в Милане.

Потом он немного помрачнел.

— Слава богу, я не изменилась до неузнаваемости, — сказала Наташа с прохладой в голосе.

— Продолжаете жить в Италии? — спросил Алексей.

— Да.

— А я вот в командировку лечу.

Эльвира промолчала. Губы ее были плотно поджаты.

— Летали в Москву? — невозмутимо продолжал разговор Алексей.

— Да, — лаконично отвечала Наташа.

— Наверное, встречались с Эльвирой?

— Встречалась.

— Наверное, теперь считаете меня монстром?

Только тут Наташа заметила, что Алексей слегка «под шафе». Видимо, он успел принять дозу в аэропорту еще до посадки. Этим могли объясняться и его разговорчивость, и готовность перейти к острым темам.

— Откровенно говоря, считаю, — прямо ответила Наташа.

Алексей допил джин-тоник и сделал знак стюардессе, что желает еще. Потом он повернул голову к Наташе и спросил:

— И почему же?

— Мне обязательно отвечать? — сердито спросила Наташа.

— Желательно, — ухмыльнувшись, ответил Алексей. — Желательно было бы мне узнать, что про меня рассказывают. К тому же, у моей жены есть очаровательная привычка говорить полуправду.

— Вы хотите обвинить ее во лжи?

— Ну зачем же сразу во лжи, — с сарказмом протянул Алексей, — ну что Вы? Как можно? Она так низко никогда не упадет. К тому же на лжи поймать могут. А вот если, излагая материал, просто опустить все ненужное, все лишнее, что мешает целостности ее понимания ситуации, ее интересам, тогда совсем другое дело. Вроде, и не соврала ничего, получается, и свою точку зрения как надо преподнесла. Только от правды такое изложение так же отличается, как черное от белого.

Эльвира молчала. Было заметно, что ей неприятна эта беседа.

— Так почему же? — снова задал вопрос Алексей.

— Потому что цивилизованные мужчины так себя не ведут.

— А как же они себя ведут? — снова ухмыльнулся Алексей.

— Они, они, — Наташа начала мучительно думать, как бы ей доходчивее описать поведение цивилизованных мужчин, но, не найдя более академического определения, просто сказала, — они, по крайней мере, с уважением относятся к тем, кто их любит, к тем, кто в них нуждается, к своим близким людям.

— Ааа, вот оно что! А эти Ваши прекрасные правила, — с ироничной улыбкой на устах спросил Алексей, — касаются всех цивилизованных людей, или же нормы благородного поведения распространяются только на мужской пол?

— Я думаю, Ваша ирония здесь не уместна, — сухо вато отвечала Наташа.

— Я вовсе не иронизирую, я просто хотел бы знать Ваше мнение, относятся ли эти правила и к женщинам тоже?

— Разумеется, относятся.

— Что ж, уже неплохо, — сказал Алексей и, помолчав, продолжил, — а Вы, вообще-то, представляете, каково жить с Эльвирой в браке?

— Мне это ни к чему. Я лишь знаю, что лет десять назад вы выглядели абсолютно счастливой парой.

— Четырнадцать, — поправил Алексей, — с тех пор, как мы виделись в Милане, прошло четырнадцать лет.

— Надо же..., — невольно пробормотала Наташа.

— Да, и с тех пор многое изменилось. Изменилась и Наташа тоже. Когда мы с ней поженились, это была

скромная веселая девушка, которая больше всего хотела завести семью и детей. Она где-то прочла, что главное в жизни женщины — это забота о ком-то близком: муже и детях. И искренне в этом была убеждена. И всячески стремилась к этому. И еще до нашего брака убедила меня в этом своем стремлении. Но долгое время детей нам, правда, завести не удавалось. Мешали материальные обстоятельства. Денег ни на что не хватало. Это отнюдь не портило наших отношений друг с другом. Что ж такого, иногда в жизни надо и потерпеть. Мы любили друг друга и были счастливы. Работали мы оба, но главным образом это была моя обязанность. Эльвира работала на полставки, и на ней еще лежали заботы по дому. Когда мы приезжали к вам в Милан, я только начинал неплохо зарабатывать. У нас наконец-

то появилась возможность завести детей. Родилась Оксана, а потом и Катя. И все-то, казалось, было хорошо.

Но вот в чем проблема. Люди с течением жизни меняются. Нет, не все, но подавляющее их большинство. Одни толстеют, другие худеют, у них могут появляться новые интересы, увлечения, стремления, а старые наоборот предаются забвению. И вот что интересно: меняются люди — а я в настоящий момент говорю о муже и жене — чаще всего не в одинаковом направлении. Ему вдруг охоту подавай, а она на Лазурный берег непременно желает ехать. А ведь в юности они вместе довольствовались волейбольной секцией. У него неожиданная страсть к классической музыке прорезается, а ей вдруг танцы подавай — без румбы и танго жизни никакой себе уже не представляет. А в юности они

вместе ходили на дискотеку и были тем вполне довольны. Да, все меняется. Меняются с возрастом и воззрения людей, их представления о жизни и своем месте в ней. И то, что казалось им вместе неприемлемым, по прошествии пятнадцати лет вдруг одному покажется нормой. Но другой-то воззрения не изменил! Вот в чем история. Но я что-то больно углубился в теорию.

Так вот, Эльвира, когда девочки отправились в школу, и самое время было бы за ними следить и их воспитывать, неожиданно захотела выйти на работу. Она не работала со времени рождения первого ребенка. Не скрою: меня удивил такой поворот, но я не возражал, хотя и не был сторонником такой идеи. А она мотивировала это тем, что сидя дома она совсем отупеет. «Наверное, — решил

я, — есть некий резон в ее словах». Мы договорились, что она не будет перерабатывать и выйдет на полставки. Наняли няню. Но через год Эльвира сказала, что на полставки ее держать никто больше не готов, и что ей необходимо перейти на полный рабочий день. Тогда мы наняли домработницу, чтобы поддерживать дом в порядке. К тому времени у нас появилась большая квартира. Конечно, домработницы и няни нужны. Но никакая няня не заменит детям матери, и никакая домработница не создаст дома уют! Мне, порой, кажется, что у нас было уютнее, в сталинской «двушке», чем стало в трехстах метрах элитного жилья. А Вы знаете, как может испортить ребенка няня? Некоторые няни, держась за хлебное место, старательно исполняют все детские прихоти без ис-

ключения, и просто превращаются в слугу несмышленной малышки, чудовищно травмирующую детскую психику, превращая ее в «принцессу на горошине». Другие потихоньку от родителей втирают малышам в голову свои представления о жизни, например, о домовых, кикиморах, или еще что другое, ничего общего не имеющее с точкой зрения мамы и папы. Я уже не говорю о вопиющих случаях, когда постфактум выяснялось, что ребенок во время прогулки с няней занимался попрошайничеством. Что говорить — воспитывать детей должны родители!

Я не раз говорил обо всем этом с Эльвирой — результат же оказался обратный. Она увлеклась карьерой все больше и начала засиживаться на работе до позднего вечера. О какой уж тут заботе о семье и детях может идти речь? Мне все чаще приходилось ужи-

нать в ресторане и не только потому, что этого требовало дело. Просто дома меня никто больше не ждал.

— А дети? — вставила Наташа.

Но Алексей, не обратив внимания на ее ремарку, продолжал:

— «Потом она начала ездить на работу по субботам. Начались командировки. Она все выше поднималась по карьерной лестнице. Я не говорю, что это плохо, нет — я далек от этой мысли. Кому-то это покажется даже очень притягательным. Но, согласитесь, это совсем не тот уклад, который был в начале нашей супружеской жизни, и представления о котором я не менял!»

— Может быть, все намного проще? Может быть, Вы просто ее разлюбили? А если бы любили, то приняли такой, какая она есть? — надменно спросила Наташа.

— Я же Вам как раз про это и толкую, что уже однажды принял ее такой, какая

она есть, а она — меня, и было это двадцать лет назад. Но то была совсем другая женщина.

— Ладно, пусть, но все это отнюдь не оправдывает Вашего жестокого обращения с женщиной, особенно, когда она стала финансово от Вас зависимой, — вставила Наташа.

— Помилуйте! Я вовсе и не пытаюсь оправдаться, я просто вспоминаю. Вы же начали с того, как когда-то все было хорошо. Так вот, все эти ее задержки на работе, странные, как мне казалось, командировки на один-два дня меня сильно беспокоили, не скрою. Но Эльвира говорила мне, что никакого повода для ревности быть не может. И вот в один прекрасный день, я случайно стал свидетелем ее недвусмысленного телефонного разговора, который не оставлял сомнений в справедливости моих подозрений.

— То есть вы подслушивали ее разговор? Какая низость! Ревнивец! — с негодованием сказала Наташа.

— Право, и не знаю, что более низко: измена или подслушивание?

— А Вы сами-то без греха, что ли?

— Я..., — Алексей замялся, потер щеку пальцем и продолжил, — ну, пусть, я и не без греха...

— Вот именно, — победоносно сказала Наташа.

— Ладно, пусть так. Я просто рассказываю все подряд, как есть. Понятное дело, был скандал. Потом как-то все немного успокоилось. Но с тех пор каждый стал оплачивать свои расходы самостоятельно. Она и не возражала. Эльвира к тому времени заняла позицию финансового директора, и денег у нее стало предостаточно. Согласитесь, довольно странная семья получилась. А два

года назад ей вдруг пришла в голову идея создать свою компанию. Деньги, между прочим, ей на раскрутку, я полагаю, ее любовник дать собирался.

— Вы полагаете или знаете? Только откровенно, — защищала свою подругу Наташа.

— Я полагаю.

Наташа неодобрительно хмыкнула.

— Ну так вот. Собственный бизнес — это даже не высший менеджмент. Он забирает все время. Я просил ее не делать этого.

— На Вас не похоже, чтобы Вы о чем-то просили. А, может быть, Вы просто завидовали ее карьерным успехам?

— Ладно, буду откровенен. Не просил. Просто поставил вопрос ребром. Семьи к тому времени все равно никакой уже не осталось. Детьми зани-

мается няня, домо́м — домработница. Деньги каждый зарабатывает себе сам. Коммунальные платежи пополам платили. О чем тут просить? Я просто сказал, что так больше не подходит. Она просто пожалала плечами и пошла делать то, что считает нужным. А теперь, когда любовник ее бросил...

— Про любовника ведь это Ваши догадки, — перебила его Наташа.

— Не совсем. Ну да ладно! Пусть догадки. Когда ее фирма развалилась, так толком и не начав функционировать, — и Алексей с нескрываемым сарказмом ухмыльнулся — было заметно, что ему по душе неудачи жены, — она приходит ко мне и говорит: «дай мне денег!» А почему, скажите мне, я должен их ей давать? Только потому, что они у нее кончились?

— Хотите развестись, так и скажите женщине, с которой бок о бок прожили двадцать лет.

— Но разве это была совместная жизнь? Бок о бок!? Я имею в виду последние годы. А потом — это ее пристрастие к танго по воскресеньям...

— Все равно, зачем же мелко провоцировать! Сами решение принимайте и несите за него ответственность потом.

— Может быть, Вы и правы в чем-то, но когда дети, двадцать лет жизни, а отношения достигли такого развития и все так запутано, то трудно, знаете ли..., — Алексей замылся, а потом махнул рукой и попросил себе еще джина-тоника. Они помолчали. Потом он встал и отправился в туалет. Когда он вернулся, объявили посадку. Разговаривать больше было им не о чем. Приземлившись в Ми-

ланском аэропорту, они сухо попрощались и разошлись в разные стороны.

«Хорошо, когда можно вот так просто сказать «пока» и разойтись, как в море корабли», — подумал Алексей, глядя на удаляющуюся спину Наташи.

Ноябрь 2009

Пассажир

— Дом восемь, рекламное агентство «Новое время», — пробормотал Женя, глядя на вывеску. Он подошел ко входу. Стеклопакетные двери разъехались перед ним в стороны.

— Мне к Монину, — сказал он девушке, сидящей за конторкой.

— Вам назначено? — важным тоном спросила секретарша. Было заметно, что она считает себя неизмеримо выше посетителя.

— Ммм, — ежась под деловито-ледяным взглядом девушки, неуверенно замычал Иволгин, но потом внутренне подтянулся и выдавил из себя, — в общем, да.

— По какому вопросу? — осведомилась она.

— Я по поводу работы. Водитель я.

— Ваша фамилия?

— Иволгин...

— Ждите, — и девушка сняла трубку телефона.

— Комната номер тринадцать. Вас ждут, — отчеканила она, положив трубку.

Пройдя по узкому коридору, Иволгин нашел нужную комнату, на двери которой под номером тринадцать красовалась блестящая табличка «Монин». Иволгин негромко постучал, и, приоткрыв дверь, просунул в образовавшийся проем свою голову.

— Можно? — спросил водитель.

— Заходи, заходи, — услышал он в ответ и вошел в кабинет.

Перед ним был человек на вид лет тридцати пяти, небольшого роста, субтильного телосложения, с острыми чертами лица и длинной челкой, ниспадающей на правый глаз. Одет

он был в костюм зеленого цвета в белую полоску и розовую рубашку. Из внешнего нагрудного кармана костюма торчал оранжевый платок. Сильно приспущенный галстук тоже был оранжевого цвета. На ногах его были сапоги из коричневой кожи с сильно заостренными носками, смотрящими вверх.

Обстановка помещения была также довольно необычная. Монин сидел за круглым стеклянным столом, вокруг которого стояло несколько стульев на колесиках. Справа находились открытые полки, на которых разместились цветные картинки. Больше мебели в комнате не было. Когда Иволгин вошел, Монин оторвал взгляд от компьютера, стоящего перед ним и спросил:

— Тебя как зовут?

— Женя.

— Садись, Женя.

Иволгин сел на один из стульев, стоявших вокруг круглого стола.

— Так, так, так, Женя, — пробормотал Монин, подбрасывая в руке фломастер, — значит, работать хочешь, Женя?

— Да.

— Но у меня работать непросто.

Женя неопределенно качнул головой в сторону и выдохнул.

— Да, непросто. С креативными, то есть с творческими, чтоб тебе понятней было, людьми работать вообще не просто. А в рекламном бизнесе других и не бывает. Нравится тебе, к примеру, мой кабинет? То-то, — без остановки продолжал Монин. — Тебе, кстати, сколько лет?

— Сорок два.

— Это ничего, — немного наморщив лоб, сказал Монин, — я думаю,

ты справишься. Предыдущий, правда, не справился, — сам с собой продолжал беседу Монин, — но ты, я думаю, справишься. Слушай, меня зовут Игорь Станиславович. Для тебя просто Игорь. Я, знаешь, не люблю всех этих отчеств. «Иван Ивановичей» там всяких. Демократичнее надо быть. Тогда и креативу прибавится. Ты что на эту тему думаешь?

— Ну..., — неопределенно промычал Иволгин, но его новоиспеченный начальник уже продолжал:

— Вот тебе ключи от машины, документы, оформишь доверенность. Завтра в девять часов у меня на Садово-Кудринской как штык должен быть. А, хотя, послушай, лучше в половине одиннадцатого,... — Монин посмотрел в потолок и продолжил, — нет, к одиннадцати еще лучше будет. Точно, давай к одиннадцати. График у

тебя рваный будет — привыкай. Все. Пока, — и Монин уткнулся в компьютер.

— А какая зарплата? — спросил Иволгин.

— Это все в «кадрах», в «кадрах» тебе скажут. Они этой ерундой занимаются. Ты мне не мешай больше. Пока, пока.

— А какая машина?

— БМВ пятой серии сойдет?

Иволгин кивнул.

— Ну и хорошо, — торопливо проворчал Монин, глядя в компьютер, — давай, давай, до завтра.

Вечером следующего дня за ужином жена Иволгина Ольга расспрашивала мужа о том, как прошел первый рабочий день.

— Ну как, Женя, дела?

— Нормально.

— Как новый хозяин?

— Ничего так себе. Станный немного какой-то.

— Чем же?

— С утра я за ним заехал, он — все как полагается — на заднее сиденье сел. Вроде спокойный был. А после обеда звонит по телефону и говорит: «Сейчас за город поедем, подавай машину». Выходит, компьютер подмышкой, взлохмаченный весь какой-то, без галстука и говорит: «Давай, Женя, в магазин продуктовый дуй, вина купить надо». Подъезжаем к магазину «Перекресток», а он сидит, не выходит, что-то на компьютере все печатает. Потом голову поднял и говорит: «Ты куда это меня привез? Запомни, кроме «Глобус Гурме» пищу нигде покупать нельзя: отравят».

Подъехали мы к «Глобус Гурме». Он вышел, через десять минут возвращается. Садится на переднее сиденье, в

руках три бутылки красного вина. «Поехали, — говорит, — на речку, купаться. А то жара, смотри какая». А сам бутылку вина открывает и пьет большими глотками. «Я, — говорит, — тебе, Женя, так скажу, — только красное вино пить можно. Оно для сердца очень полезно. Все врачи об этом говорят. Ничего другого никогда не пей». За таким разговором я и глазом не успел моргнуть, как он бутылку вина высосал. Потом включил радио погромче, открыл люк и туда руки просунул. Тут как раз нас машины с мигалками обогнали. Он как закричит: «Давай, Женя, за ними! Жми! Сейчас мы им покажем, тварям таким!» А сам в люк голову просунул и кричит: «Ууу, твари такие! Я вам покажу, уж вы у меня попляшете!». Около Триумфальной арки нас гаишник остановил. Я уж думал — он и на гаишника сейчас набросится. Так что ты думаешь? Все наоборот. Моница

как подменили. Сидит спокойно и делает вид, что спит он. Я еле-еле гаишника уболтал. Без штрафа отделались, в общем.

— А потом что было? — Спросила жена Иволгина.

— Да так, ничего особенного. Заехали по пути за девчонкой какой-то. Помладше она его будет. Тоже выпить любительница, чувствуется. Они еще одну бутылку на двоих выпили, пока до пляжа доехали. Она искупалась, а он купаться не стал.

— Почему, такая ведь жара была?

— Да, как приехали, он заснул сразу же. И проспал часа четыре. Девчонка эта тоже на пляже заснула. Ей, видно, полбутылки вина хватило. Потом темнеть начало. Я ему говорю: «Вы бы искупались, что ли». А он мне отвечает: «Я, Женя, только в жару могу купаться. Мне моя энергетика, когда стемнеет, не позволяет в воду лезть». Потом я их по домам раз-

вез. Перед подъездом он мне и говорит: «Только ты, Жень, моей жене ничего не говори».

В течение того лета Женя не раз возил Мони́на на пляж. Бывает, выйдет он с утра, посмотрит на голубое небо и скажет:

— Знаешь, Жень, давай на пляж махнем.

Иногда они заезжали за какой-нибудь из его подружек. Без вина обходилось редко. На следующее утро Монин выходил из подъезда небритым, с хмурым лицом и просил остановиться у первого магазина. Покупал бутылку пива. Сразу же ее выпивал и потом неизменно веселел, говоря при этом:

— Ну вот, теперь и поработать можно. Только жвачки, Жень, дай, что ли.

Иволгин быстро усвоил повадки шефа, и жвачка у него всегда была при себе. Когда Монин не пил вина, он работал за компьютером, с которым ни-

когда не расставался. Он всегда куда-то торопился. Бывало, едут они, Мони́ну раздаётся телефонный звонок.

Он что-то возбужденно говорит в трубку. Потом кричит: «Давай, разворачивайся, едем назад!»

— Так сплошная ведь! Права отнимут, — пытается его урезонить Иволгин.

— Жми, тебе говорю! У меня все схвачено! Не бойсь, я кого хочешь порву.

Разворачиваются они через сплошную, а тут как раз гаишник их останавливает.

— Я их порву сейчас! Только остановимся, ох, порву! Будут знать, кого останавливать! — орет Монин.

Но когда до дела доходило, Монин неожиданно успокаивался и сидел тихо на своем месте, ожидая, пока водитель решит вопрос с представителями власти.

Бывало Монин так спешил, что выскакивал из машины, застрявшей в проб-

ке, и ехал на метро. График у него действительно был рваный.

Незаметно пришла зима. Настало время новогодних корпоративных вечеринок. Отмечали Новый год и в рекламном агентстве «Новое время».

— На тебе пригласительный билет, — сказал как-то вечером Монин и протянул Иволгину пеструю бумажку с изображением Деда Мороза и Снегурочки.

— Спасибо, Игорь Станиславович, — отвечал тот. Водителю очень хотелось пойти на корпоративную вечеринку.

— Сколько раз говорил тебе, — рассердился Монин, — не называть меня на «Вы» и по имени отчеству.

— Да, да, конечно, Игорь. Спасибо, в общем.

С корпоративной вечеринки Иволгин вернулся в возбужденном состоянии.

— Что стряслось-то? — спросила жена.

— Ох, даже не знаю, что теперь будет, — садясь на табурет на кухне, сказал Женя. — Похоже, уволили меня. Работу новую искать теперь надо.

— Да что ты такого натворил-то?

— Я-то ничего особенного, а вот Монин мой сегодня отличился, — сказал Женя и встревожено замолчал.

— Давай рассказывай, не тяни.

— Ну, в общем, вечеринка была в полном разгаре. Монин поначалу вел себя хорошо. Потом, видно, поддак следует да и упал навзничь в фонтан. Фонтан этот в самом центре ресторана находился. И уже натурально он захлебываться там начал. Но его оттуда выловили хорошие люди — я среди них был, конечно же. Потом начальство его и говорит, что пора мне его уже домой транспортировать. Он, в общем-то, и

не сопротивлялся. Я его под руку взял, и уже пошли мы к выходу, как он мне говорит: «Подожди, Женя, я сейчас». И пошел куда-то. Я его в толпе сразу же и потерял. Если бы я знал, не отпустил бы его от себя. Короче, у них на фирме главный бухгалтер есть. Тетка такая, лет пятидесяти. Высокого роста, полная. Строгая такая. Спина как шпала прямая. Ее все боятся у них. В тот вечер она в белом платье была. Расфуфыренная вся. Стоит она у фонтана, значит, беседует чинно так, как ей и полагается, в общем, с каким-то начальником. Вдруг я вижу, как к ней сзади крадется Монин, а в руках несет две бутылки красного вина. Лицо у него еще такое хитрое было. Подошел он, значит, сзади к ней. Потом возьми, да и опрокинь ей вино на голову. Жидкость сразу из бутылки вылиться не может. Так она, как назло, замерла и стояла без движения, пока на

нее все содержимое не вылилось. Белое платье превратилось в красное. В зале наступила полная тишина. А Монин дико захохотал. В следующую минуту его схватили и силой засунули в нашу машину. А начальник отдела кадров на прощание сказал мне, чтобы я искал себе новую работу, так как возить мне больше некого: Мониная, считай, уволили.

Три дня Иволгин сидел дома и обзванивал потенциальных работодателей. На четвертый раздался телефонный звонок. В трубке послышался невозмутимый голос Мониная:

— Женя, завтра в девять на Садово-Кудринскую подавай.

На следующий день Монин вышел гладко выбритый, коротко подстриженный, в строгом синем костюме, белой рубашке и темном галстуке. На ногах вместо сапог были надраенные ботин-

ки из черной кожи. В руках он сжимал ручку чемоданчика из черной кожи.

— Поехали в аэропорт «Домодедово», — сказал он деловито.

— А вас, что, не уволили? — спросил Иволгин.

— Ну почему, я бы так не сказал, — самодовольно отвечал Монин, — поначалу уволили, конечно. Но потом обнаружили, что под угрозой стоит подписание контракта на тридцать миллионов евро. Выяснилось, что с фирмой «Новое время» подписывают контракт только при условии, что я буду фактическим исполнителем наших обязательств. Я же говорю, Женя, — Монин, улыбаясь, хлопнул водителя по плечу, — креатив — он и в Африке креатив. И заканчивай ты меня на Вы называть, сколько раз тебе говорил: не люблю я этого.

Помолчав, он добавил:

— Так что пока придется в Лондон

слетать. Подписать кое-что. Давай в Домодедово.

Время шло, а Монин оставался верным своим привычкам. Он по-прежнему пил красное вино, высовывался из люка автомобиля на скорости, встречался с девушками и всячески куролесил.

Однажды Иволгин привез хозяина на его дачу. Идти Монин после выпитого сам не мог, и Иволгину пришлось вести его. Оказавшись за своим забором, Монин устремился к стоявшему в отдалении от дома вековому дубу. Обхватил его руками, прижался к его коре щекой и замер. Прошло пять, десять, пятнадцать минут. Иволгин не выдержал и спросил:

— И долго вы так, Игорь Станиславович, с деревом обниматься намерены?

— Будет тебе известно, что дуб — это мое дерево, — пробормотал Монин, — я от него энергией заряжаюсь. Ты дума-

ешь, почему я энергичный такой? Все от дуба, от него идет.

— Апрель месяц на дворе, — отвечал водитель, которому хотелось домой, и которого не сильно интересовали вопросы тонких энергий, — так и простудится недолго.

— Ты не понимаешь, Женя. Когда стоишь у своего дерева, простудится невозможно. Я и зимой так часами стоять могу. И как видишь — живой и здоровый пока.

— Вот именно, что пока...

— Все там будем, Женя, — вздохнув, сказал Монин, — ты иди, а я еще постою.

На следующий день, Монин находился в мрачном расположении духа. Однако бутылка пива оказала свое живительное воздействие, и его потянуло на разговоры.

— Знаешь, Женя, что означает с пси-

хологической точки зрения фраза древних римлян «Хлеба и зрелищ»?

— Нет, не знаю, — отвечал Иволгин.

— Так вот, кто-то писал об этом, то ли Юнг, то ли Фромм, не помню точно, но суть в том, что все люди делятся на две большие группы: на тех, кто проводит свою жизнь в погоне за богатством — читай «хлеб», и тех, кто постоянно бежит от одолевающей их скуки — читай «зрелищ им нужно».

— Понятно ... — буркнул Иволгин.

— Так вот, я-то уж точно не отношусь к первой категории, — мрачно сказал Монин, и замолчал.

А когда они уже подъезжали к агентству «Новое время», Монин, прикончив вторую бутылку пива, неожиданно заявил:

— Поехали в аэропорт «Шереметьево». Слетаю я на Кипр. Буду завтра или, пожалуй, послезавтра.

Часа через четыре он действительно улетел.

— А еще, знаешь, что интересно, — как-то рассказывал своей жене Ольге Иволгин.

— Что? Ты, наверное, опять про своего пассажира? Жить без него не можешь. Только о нем и говоришь.

— Хороший мужик он, странный только немного, — сказал Иволгин.

— Ну ладно, давай рассказывай, — попросила жена.

— Так вот. Мамаля у него такая смешная. Без конца ему звонит, спрашивает, поел ли он, попил ли он, тепло ли он одет. Недавно вез их вместе. Она его вопросами достала. Все шарф ему с заднего сидения поправляла. Он рассердился и говорит: «Женя, значит так. Меня сейчас домой завезешь, а маманю мою — в Свиблово. Я ему говорю: «Так она же на

Котельнической набережной живет!» А он мне отвечает: «Вот именно, пускай на метро покатается!»

— Но только это он шутил, конечно, он и мухи не обидит, — улыбаясь, говорил Иволгин. — А маманя его и мне надоела, без конца по телефону мне звонит. Все спрашивает: поел ли он, попил ли, тепло ли одет. Смешная такая, в общем.

Как-то раз в мае Иволгин пришел домой под утро. За завтраком жена недовольно спросила:

— Ты где таскался до утра?

— Ну ты же знаешь его, — отвечал Иволгин, разводя руками.

— Опять Монин твой что-нибудь натворил?

— Ничего особенного, просто загулял он вчера. А день совершенно обычно начинался. Утром звонит он мне и

говорит: «Так и так, Женя, жена просила кое-что ей помочь. Точно я не знаю что, но сказала, что ненадолго это. Ты съезди, помоги ей там, а потом возвращайся. Меня домой с работы как обычно заберишь». Я приезжаю, захожу в квартиру на Садово-Кудринской. Жена его меня встречает в дверях и говорит: «Женя, вы не могли бы вот эти чемоданы в машину отнести». Она, вообще, очень интеллигентная женщина. И всегда только на «Вы» обращается ко мне. Очень красивая она, утонченная такая, в общем. Я — что, я чемоданы упаковал. Чемоданов много было. Еле в машину поместились. Она тогда с дочкой — лет пять девчужке — выходит, в машину садится и адрес дает: «Фрунзенская набережная». Довез я их, помог выгрузиться.

Вечером Монин в машину садится и говорит: «Давай домой, Жень, жми скорее», а потом спрашивает: «А что жена

хотела? Куда вы ездили?» Я ему рассказал, что все в порядке: отвез я ее на Фрунзенскую набережную с дочкой в целостности и сохранности. И что чемоданы помог выгрузить — сказал. А он, как про чемоданы услышал, погрустнел сразу, осунулся даже. Как будто лет на десять старше стал. Помолчал немного и говорит: «Знаешь что, тут ресторан новый открыли, поедем, Жень, посмотрим, что это за место такое». Мне что — я привычный. Там он выпил крепко, и поехали мы по ночной Москве куролесить. В пару баров еще заехали. В одном клубе до трех утра он торчал.

С тех пор Жене еще чаще приходилось работать по ночам. Жена его поначалу сердилась, беспокоилась, где пропадает ее муж. Но потом понемногу привыкла и даже стала засыпать одна. Но по утрам, за чаем с интере-

сом расспрашивала мужа, куда вчера возил он шефа, и что тот опять учудил.

Однажды жена спросила у Жени: «А что друзья у твоего Монина есть? Какие они? Ты их видел когда-нибудь?»

Водитель задумался. По ресторанам и клубам Монин ездил всегда один.

— А, вспомнил! — сказал Женя. — Был случай месяца два назад. Привез я его в ресторан «Бульвар». Примерно час его не было. Потом звонит мне по телефону и говорит: «Ты, Женя, знаешь что, съезди, забери двух моих друзей и привези их ко мне в ресторан». И адрес мне дает, куда ехать. Считаю, у самого его дома они живут. Друзья детства, значит. Я, в общем, приехал по адресу, стою, жду. Тут два какие-то пьяные забулдыги в машину лезут. Грязные, драные все, как будто на помойке валялись. Натуральные забулдыги! И с бычками в зубах, значит. Я им говорю, значит: «в машине не

курят!». А они мне: «Ничего, мы окошко откроем. Как оно у тебя тут открывается? Мы что-то разобратся не можем». Откуда же им разобратся, драни такой, как оно открывается, когда они в приличной машине и не ездили никогда? Я, в общем, бычки взял у них и в окно молча повыкидывал. Ну а в ресторане они само собой в хлам напильсь, я их насилу домой довел, все порывались еще песни попеть. А больше, что-то я не припомню, чтобы друзей каких его возил. Нет, больше никаких друзей не было.

В июле Монин улетел в Японию. Еще в институте он выучил японский. Всегда хотел в Японии оказаться. И теперь осуществил мечту своей юности. Когда он прилетел, то подарил Иволгину бутылку сакэ и квадратный деревянный стакан. Сам же, усевшись на переднее сиденье, откупорил бутылку японского пива и стал слушать японские песни. Ему мере-

щились японское море, гора Фудзи Яма и он сам, сидящий в позе лотоса и медитирующий на синтоистской мандоле. Когда они приехали на дачу, Монин долго стоял, прижавшись к своему дубу. Потом сказал:

— Поехали в Талдом, там деревенька одна есть, я покажу.

— Где это? — спросил Иволгин.

— Дмитровское направление, посмотри по карте — за час доедем.

— Учитывая пробки, минимум за три часа, это ведь другой конец Москвы, — ответил Иволгин.

Лицо Монины вдруг стало серьезным, и он сказал:

— Поехали, дружище, ты уж поспой побыстрее, мне очень надо.

В дорогу Монин прихватил бутылочку красного вина. Они ехали очень долго, заплутали и в итоге добрались до места в начале двенадцатого ночи. В

конце деревни стоял добротный дом, около которого Монин попросил остановиться. Он вышел из машины и тихо постучал в дверь. Иволгин тоже вышел из машины. Его взору открылись поля и луга, вокруг него разливалась благодать и спокойствие вечерней летней свежести.

Дверь открыл мужчина лет пятидесяти пяти, широкий в плечах и высокого роста. Рядом с ним Монин казался мальчишкой. До Иволгина донеслись приглушенные голоса.

— Игорь, ты зачем приехал? — говорил мужчина.

— Посмотреть на свою дочь.

— Нашел время! Посмотри на часы: она уже давно спит.

— Послушайте, я ехал сюда черт знает сколько времени. И я не поеду назад просто так, даже не увидев свою дочь.

— Меня не интересует, сколько ты ехал; вопрос: когда ты приехал.

— Я повторяю, я хочу видеть свою дочь, — театрально повысил голос Монин.

— Что ты орешь? Ребенка разбудишь. Он хочет! — зашипел мужчина. — Я смотрю, ты, как всегда, навеселе и, к тому же, небрит. Посмотри на себя, на кого ты похож?

— Я провел в дороге черт знает сколько времени. Рейс из Японии задержали на четыре часа. А сам полет! Вы знаете, сколько часов непрерывного лета из Токио до Москвы? Не брит я, видите ли!

— Мне неинтересно, сколько часов лета от Токио до Москвы. Я знаю другое, что ты пришел черт знает как поздно, нетрезвый и небритый, и я знаю, что я не дам тебе будить ребенка.

— Тогда, давайте я переночую у вас, а утром побуду с дочерью.

— Об этом не может быть и речи. Мы давно обо всем договорились.

Силы были неравны. У Монина не было ни малейшего шанса справиться со здоровяком. Он вернулся, сел в машину и молчал всю дорогу до самого дома.

Как-то раз в октябре Иволгин пришел домой и за вечерним чаем сказал жене:

— Знаешь, Оль, я решил перейти на другую работу.

— Уходишь от Монина? — удивилась жена.

— Ухожу.

— Просто не могу в это поверить. Ты же жить без него не мог.

— Понимаешь, у него очередная подружка завелась. Уж больно капризная будет. С утра надо за ней заехать, потом за ним. Вечером все то же самое.

В начале ее завезти, потом его. А живет она, между прочим, в конце Ленинградского проспекта.

— А почему бы ей у него ночевать не оставаться?

— Она замужем.

— Ааа, — протянула жена, тогда другое дело.

— К тому же, поговаривают, что его опять увольнять собираются, что-то он там вытворил в очередной раз. А у меня тут как раз предложение хорошее от солидной фирмы подвернулось — два дня через два. Работа спокойная, и без креатива.

— Без чего? — переспросила жена.

— Без ночных смен, в общем.

Ноябрь 2008

Содержание

Что позволено Зевсу	3
Столичная штучка.....	27
На чужбине	52
Современная сказка	81
Секреты красоты.	108
Через двадцать лет.	128
Другая сторона	230
Пассажир	267

Mefodiev Project

www.mefodiev.ru

Лучшие книги мира

Представляем Вашему вниманию проект «Мефодиев»

Художественные произведения повествуют читателю о красочных перипетиях судеб героев нашего времени. Образы, взятые из реальной жизни, вызывают острый интерес.

Непредсказуемые сюжеты, затрагивающие социальные и нравственные аспекты, интригуют, позволяют взглянуть на обыденность с самой неожиданной стороны, давая читателю богатую пищу для размышлений. В чем кроются причины поступков героев захватывающих рассказов? Какие ловушки готовит им судьба?

Чем обернутся для них обстоятельства, уготованные жизнью?

Ответы на эти вопросы читатель найдет, перелистывая страницу за страницей книг, представленных на сайте. Легкий слог и образный язык произведений позволяет «на одном дыхании» перечитывать рассказы Мефодиева.

Уникальность проекта «Мефодиев» позволяет заказать книги с подписью автора и выбрать дизайнерскую упаковку, чтобы удивить партнеров по бизнесу необычным подарком. А знатоки по достоинству оценят магазин, где можно приобрести эксклюзивные и раритетные книги.

Проект «Мефодиев» — клуб людей, которых объединяет культура. Мы открываем Вам удивительный и волнующий мир литературы. Здесь Вы сможете познакомиться с произведениями

начинающих талантов, самых ярких и перспективных на сегодняшний день дарований. Связывая одной нитью великое литературное наследие, дошедшее до нас из глубины времен, произведения, величие которых измеряется столетиями, с современными, близкими нам творениями восходящих звезд писательского небосклона, мы открываем Вам двери в мир, где реальность отражается сквозь призму мировоззрений, чувств и опыта его создателей.

Мир, который помогает человеку понять самого себя, приблизиться к ответам на вечные вопросы, волнующие человечество на протяжении всего его существования, и найти решение насущных проблем, актуальных непосредственно для каждого из нас.

Конкурсы, проводимые проектом

«Мефодиев», дают шанс молодым талантам сделать свой первый шаг на тернистом пути успеха.

Мы собрали для Вас все самое ценное и интересное в литературном мире, чтобы стать надежным и верным проводником по его лабиринтам.

Проект «Мефодиев» создан для авторов и читателей, всех тех, кто увлечен поиском прекрасного и готов к новым открытиям.

Литературно-художественное издание

А. Мефодиев
«Что позволено Зевсу...»

Компьютерная верстка И.В. Кожухов
Художник И.С. Волкова
Редактор М.Чернявская
Корректор П.И. Ковылева

Подписано в печать 09.04.2010. Печ. л. 8,5.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
формат 60х90/32.
Тираж 500 экз.

Издание отпечатано в ООО «Принтдизайн»